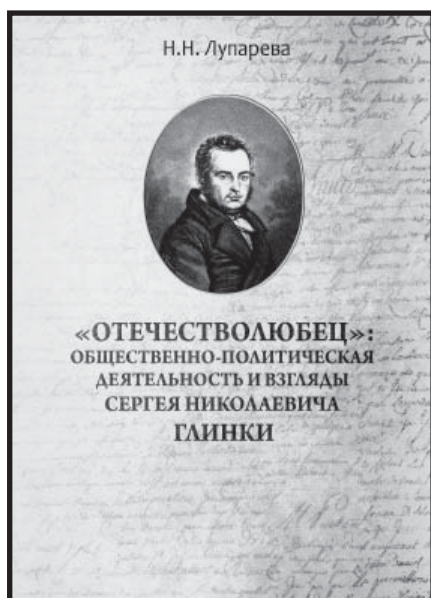

Опыт «Отечестволюбия» С.Н. Глинки

{ Часть первая }

Лупарева Н.Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж: Новый взгляд, 2012. 216 с.

*Из Главы II. С.Н. Глинка во главе «Русского вестника»
(с. 59–103)*

*Из Главы III. Деятельность С.Н. Глинки в период Отечественной войны 1812 года
(с. 135–140)*

*Из Главы IV. Эволюция идейно-политических взглядов С.Н. Глинки
(вторая половина 1810-х – 1840-е гг.)
(с. 164–171)*

*Заключение
(с. 179–184)*

{ Оглавление }

Введение

Глава I. Становление идейно-политических взглядов Сергея Николаевича Глинки

- § 1. Детство Сергея Николаевича Глинки. Обучение в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе
- § 2. Военная служба. Начало литературной деятельности С.Н. Глинки

Глава II. С.Н. Глинка во главе «Русского вестника»

- § 1. Начало издания «Русского вестника». Антизападнический пафос журнала
- § 2. Консервативно-националистическая программа «Русского вестника»
- § 3. Прекращение издания журнала. «Русский вестник» в глазах общественности

Глава III. Деятельность С.Н. Глинки в период Отечественной войны 1812 года

- § 1. «Шатобриан московского ополчения»: роль С.Н. Глинки в московских событиях 1812 г.
- § 2. Патриотическая риторика и антифранцузская пропаганда «Русского вестника» накануне и в период Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии
- § 3. Отечественная война 1812 года в воспоминаниях С.Н. Глинки

Глава IV. Эволюция идейно-политических взглядов С.Н. Глинки (вторая половина 1810-х – 1840-е гг.)

- § 1. Педагогические проекты С.Н. Глинки
- § 2. «Цензор без страха и упрека»: С.Н. Глинка в Московском цензурном комитете
- § 3. Восточный вопрос в сочинениях С.Н. Глинки
- § 4. Последние годы жизни. Эволюция идейно-политических взглядов С.Н. Глинки

Заключение

Список источников и литературы

Из Главы II.

С.Н. Глинка во главе «Русского вестника»

§ 1. Начало издания «Русского вестника». Антизападнический пафос издания

25 июня 1807 г., после поражения русских войск под Фридландом, Россия была вынуждена подписать невыгодный для нее Тильзитский мир. Этот трактат фактически низводил ее до положения сателлита наполеоновской Франции, вынужденного действовать в русле ее внешнеполитических планов и присоединиться к континентальной блокаде своего основного торгового партнера – Англии. Мирный договор вызвал ощущение униженности и ущемлял экономические интересы России в целом и дворянских кругов в частности, что способствовало дальнейшему росту националистических тенденций. Ф.Ф. Вигель вспоминал, что образованное общество восприняло Тильзитский мир с Наполеоном как «порабощение ему, как признание его над собою власти»¹. А по словам Д.В. Давыдова, после 25 июня 1807 г. «1812 год стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть»².

Охватившие общество антифранцузские настроения и жажда реванша³ нашли наиболее яркое воплощение в памфлете Ф.В. Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева», явившемся своего рода манифестом складывающегося русского консервативного национализма. Ростопчин начинал с критики галломании русского образованного общества, опасные последствия которой явно ассоциировались в его сознании с событиями Французской революции, также удостоившейся многочисленных инвектив автора. Вслед за Шишковым Ростопчин призывал искать примеры для подражания в собственном национальном опыте, взывая к именам знаменитых российских воинов (Шуйского, Голицына, Меншикова, Румянцева, Орлова, Суворова), спасителей отечества и Москвы (Пожарского, Минина, Еропкина), глав духовенства (Филарета, Гермогена, Прокоповича, Платона), министров (Панина, Шаховского, Маркова), писателей (Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Державина, Карамзина, Нелединского, Дмитриева,

¹ Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 428.

² Цит. по: Киселева Л.Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807–1812): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982. С. 6.

³ Подробнее об общественных настроениях после Тильзитского мира см.: Martin A. *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I*. DeKalb, 1997. P. 48–50.

Богдановича)¹. Памфлет Ростопчина явился первым публицистическим произведением, обращавшимся к разным социальным слоям. Он был адресован прежде всего среднему и мелкопоместному дворянству, многочисленному, но не столь подверженному французской моде, как аристократия, однако был близок и городскому купечеству, мелким чиновникам и мещанам. «Мысли вслух...» вызвали широчайший общественный резонанс и разошлись неслыханным по тем временам тиражом в семь тысяч экземпляров². Успех, тон и литературная стилистика памфлета Ростопчина, приближенная к народной речи, воодушевили Глинку, писавшего в своих «Записках», что своими «Мыслями вслух...» граф «первый... вступил... в родственное сношение с мыслями всех людей русских»³.

В значительной степени восприняв опыт графа и уверившись в неизбежности войны с Наполеоном⁴, С.Н. Глинка приступил к изданию «Русского вестника» (в оригинале журнал назывался «Руской вестник», но, следуя сложившейся в историографии традиции, мы будем называть его «Русский вестник»), главной целью которого положил «возбуждение народного духа и вызов к новой и неизбежной борьбе»⁵. Знаковым было само название издания, полемически заостренное против карамзинского «Вестника Европы». И если издатель последнего ставил целью «знакомить читателей с Европой и сообщать им сведения о том, что там происходит замечательного и любопытного»⁶, то Глинка в объявлении о выходе своего журнала, опубликованном в № 102 «Московских ведомостей» от 21 декабря 1807 г., обещал помещать в нем всё то, что «непосредственно относится к отечественному» и «политические известия касательно токмо до России»⁷.

Несмотря на всплеск патриотических настроений, идея издания журнала, который придерживался бы исключительно «русского направления», была и новой, и рискованной. По словам Глинки, опубликованное им уведомление возбудило «и недоумение, и удивление» в общественности⁸. Через несколько дней по выходе объявления впервые лично встретившись в одном из московских салонов с Ф.В. Ростопчиным, Глинка услышал от графа: «Отважное ваше предприятие удивляет меня»⁹. Но тут же получил предложение о сотрудничестве, причем граф просил его сдерживать свое «запальчивое перо», которое «часто бывает заносчиво»¹⁰. Уже в первом номере «Русского вестника» было опубликовано написанное Ростопчиным от лица Устина Веникова «Письмо к издателю. От 22 декабря 1807 года из с. Зипунова»¹¹. В нем он развивал уже высказанную Глинке мысль: «...хвалю столь же благородное намерение, сколько дивлюсь смелости духа вашего. Вы... хотите издавать одну русскую старину ожидая от

¹ Минаков А.Ю. Роль событий 1812 года в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе: Сб. науч. работ. Воронеж, 2005. С. 10; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 112–113.

² Горностаев М.В. Федор Васильевич Ростопчин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 120–121; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. С. 114.

³ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 262–263.

⁴ Эти предчувствия не покидали Глинку с 1806 г. См.: Там же. С. 232.

⁵ Там же. С. 259.

⁶ Цит. по: Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1911. Т. 2. С. 197.

⁷ Цит. по: Предтеченский А.В. «Русский вестник» С.Н. Глинки // А.В. Предтеченский. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 121.

⁸ Глинка С.Н. Записки. С. 260–261.

⁹ Там же. С. 261.

¹⁰ Там же.

¹¹ Русский вестник. 1808. № 1. С. 68–72.

нее исцеления слепых, глухих и сумасшедших, но забыли, что неизменное действие истины, есть колоть глаза и приводить в иступление... Для отпадших от своих и впадших в чужих, вы будете проповедником, как посреди дикого народа в Африке»¹. В конце этого письма была помещена приписка Глинки, в которой он просил «почтенного жителя с. Зипунова, и соседа его Силу Андреевича Богатырева, обогащать Руской Вестник замечаниями и письмами своими»². Но сотрудничество с Ростопчиным не было долгим³. В начале 1808 г. на сцене театра на Арбате была поставлена новая комедия графа «Вести, или Убитой живой», которая довольно зло и откровенно высмеивала нравы и пороки хорошо знакомого Ростопчину светского общества. Многие из столичной публики узнали себя в выведенных автором персонажах и устроили ему что-то вроде общественной обструкции. Уязвленный Ростопчин обрушился на московский свет в двух гневных письмах, которые предложил для публикации в «Русском вестнике». Глинка ответил отказом, аргументировав его излишней желчностью посланий графа, после чего Ростопчин больше не давал своих материалов в его журнал.

Начинал сотрудничество с журналом Глинки еще один граф, также известный своими консервативными взглядами А.А. Аракчеев. В третьем номере «Русского вестника» Глинка высказал мысль, что «гений Аракчеева, доведя до совершенства во всех частях нашу артиллерию, конечно, воспользуется открытиями республиканцев и сообразя их с характером русских и с их холодным мужеством, составит новое превосходное военное искусство»⁴, что обеспечит преимущество русских войск в возможно предстоящей борьбе с Францией. Этот номер вместе с сопроводительным письмом Глинка отправил графу 30 марта 1808 г.⁵ В письме от 31 апреля (так в оригинале. – *Примеч. ред.*) 1808 г. Глинка предлагал Аракчееву «украсить» его именем «список особ, удостоивших подпискою своею «Русский вестник»⁶. Ответное письмо графа от 4 мая 1808 г. без его ведома Глинка опубликовал в пятом номере «Русского вестника»⁷, ссылаясь на то, что «по долгу издателя» не может скрыть «сих слов, драгоценных сердцу каждого Россиянина»⁸. В своем письме А.А. Аракчеев благодарил издателя журнала за приглашение на подписку, говоря, что «Русский вестник» ему «близкой родня как старому русскому дворянину»⁹. Далее Аракчеев писал, что «как бедный дворянин воспитан был совершенно по-русски: учился грамоте по часослову, а не по рисованным картам. Потом выучен будучи читать Псалтырь за упокой по своим родителям, послан на службу Государя и препоручен в С. Петербурге Чудотворной Казанской иконе, с таким родительским приказанием, дабы я все мои дела начинал с ея соизволения: чему следуя и по сие

¹ Русский вестник. 1808. № 1. С. 68–70.

² Там же. С. 72.

³ Кроме упомянутого письма, в журнале было опубликовано: О Суворове. Письмо к издателю от 28 января 1808, с. Вороново // Там же. № 3. С. 241–249. В нем излагались воспоминания Ф.В. Ростопчина о А.В. Суворове и давалась переписка выдающегося русского полководца с императором Павлом I и самим Ростопчиным. Бумаги Ростопчина послужили одним из источников целого цикла статей Глинки, посвященных Суворову.

⁴ Там же. С. 406.

⁵ См.: Сергей Глинка – графу Аракчееву. 30-го марта 1808 г. Москва // *Дубровин Н.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883. С. 6.

⁶ Сергей Глинка – графу Аракчееву. 31 апреля 1808. Москва // Там же. С. 7–8.

⁷ См.: Отрывок из письма знаменитого сына Отечества // Русский вестник. 1808. № 5. С. 244–245.

⁸ Там же. С. 244.

⁹ Там же. С. 244–245.

время»¹. Эти слова Глинке «чрезвычайно понравились»², и они вполне отвечали его собственным взглядам и настроениям. Но через некоторое время Аракчеев прислал издателю письмо с приложенными к нему 12 письмами от жителей разных губерний, которые, по словам Глинки, «так увлеклись глубочайшею к нему преданностию, что возвеличили его наименованиями избавителя и спасителя отечества»³, и предложил опубликовать эти письма. Глинка ответил отказом и в своем письме, в частности, писал: «Не берусь возражать на восторженные изречения лиц, приветствовавших вас, и искренно желаю, чтобы вы долго проходили поприще свое; но теперь не могу напечатать присланных вами писем. Все то, что относится к случайным людям, разлетается громкою оглаской. Меня назвали бы льстецом, пресмыкающимся перед человеком случайным и добывающимся каких-нибудь у него милостей. А я от юности лет моих ни перед кем не раболепствовал. Но в свете редко верят и самым бескорыстным отзывам. Мнения людей различны, а пересуды привязчивы»⁴. Много лет спустя С.Н. Глинка пересказал этот случай графу М.А. Милорадовичу, тогда уже известному герою Отечественной войны. Смелость Глинки немало удивила генерала: «И вы это сделали с таким страшным человеком?»⁵. Но, по признанию издателя «Русского вестника», граф Аракчеев никогда не чинил ему никаких препятствий⁶.

Так же быстро закончилось сотрудничество с княгиней Е.Р. Дашковой, которая, как и Ф.В. Ростопчин, сама предложила свое сотрудничество сразу же по прочтении объявления Глинки в «Московских ведомостях», но с условием, что издатель будет публиковать ее статьи без каких-либо изменений⁷. Ее первая статья, а точнее письмо к издателю, появилась во втором номере «Русского вестника»⁸. В «Записках» Глинка говорит, что уже по этой первой статье сделал вывод о скоротечности работы с княгиней, так как она слишком явно высказывала свои политические симпатии: «Англичанам был в ней (статье – *Н.Л.*) праздник, а сынам Германии туманные сумерки»⁹. Однако содержание самой публикации не соответствует воспоминаниям Глинки. Письмо Дашковой отражает только ее антифранцузские настроения и содержит резкую критику галломании русского образованного общества. Глинка утверждал, что не делал в письме княгини никаких купюр¹⁰, и заподозрить его в лукавстве, зная его добросовестность и правдивость, довольно сложно. Проанглийских и антигерманских идей нет и в следующей статье Е.Р. Дашковой, помещенной в третьем номере «Русского вестника»¹¹. Скорее всего Глинка имел в виду другую статью княгини, о которой он также упоминает в мемуарах и которая не была опубликована¹² в силу возможных цензурных затруднений, связанных с тем, что Россия в послетильзитский период была вынуждена отказаться от любых проявлений дружествен-

¹ См.: Отрывок из письма знаменитого сына Отечества // Русский вестник. 1808. № 5. С. 245.

² Глинка С.Н. Записки. С. 280.

³ Там же. С. 281.

⁴ Там же. С. 282. Несмотря на то, что письмо опубликовано в «Записках» Глинки, в подлинности его содержания сомневаться не приходится. Все цитируемые им в своих воспоминаниях письма дословно воспроизводили оригинал.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 282.

⁷ Там же. С. 269.

⁸ Письмо к издателю Русского вестника (подписано Россиянка) // Русский вестник. 1808. № 2. С. 227–232.

⁹ Глинка С.Н. Записки. С. 272.

¹⁰ Там же.

¹¹ К воспоминаниям // Русский вестник. 1808. № 3. С. 388–397.

¹² Глинка С.Н. Записки. С. 274.

ности в отношении Англии. Видимо, именно на это неопубликованное письмо и отвечал Глинка в четвертом номере своего журнала¹, где решил показать «знаменитой Россиянке», с «какою вывескою целое ученое общество Англинских историков вывело Русских на позорище всемирное»², и доказать тем самым, что англичане не заслуживают ее публицистического покровительства. Так или иначе, история с неопубликованной статьей послужила причиной разрыва тандема Глинки с Е.Р. Дашковой. Своенравная, неуступчивая в своих мнениях княгиня назвала издателя «высочкой»³ и перестала писать для журнала, но Глинка был скорее рад окончанию этого неудобного для него сотрудничества.

Положительным образом завершился лишь один конфликт – с Г.Р. Державиным. Литературный наставник Глинки, один из влиятельнейших членов «Беседы любителей русского слова» не очень часто, но помещал в «Русском вестнике» свои стихи⁴. Опубликовав в журнале три сочинения Державина, на очередное его предложение – напечатать стихи к Купидону – Глинка ответил отказом, настаивая, что «баснословного не помещает в Русском вестнике»⁵. Отличавшийся вспыльчивым нравом Державин ответил Глинке едкой эпиграммой, помещенной в журнале А.Е. Измайлова «Цветник»⁶, но быстро отошел, и после публикации в «Русском вестнике» его нравоучительной мелодрамы «Обитель Добрады» у них с Глинкой наступил «мир ненарушимый»⁷. Таким образом, Глинка, заинтересованный в привлечении консервативно настроенных авторов, никогда не жертвовал ради этой цели направлением своего журнала. Помимо вышеназванных авторов, в журнале регулярно публиковались произведения Ф.Н. Глинки, А. Писарева, Н. Шатрова, И. Богдановича, Ф. Иванова, князя П.И. Шаликова, А.А. Волковой, реже – Н. Врасского, Н. Николева, Н.А. Полевого, А.С. Шишкова, графа Д.И. Хвостова, П.И. Голенищева-Кутузова и мн. др. Это была в основном поэзия, прозаические произведения публиковали лишь Ф.Н. Глинка, И. Богданович, Н. Шатров, Н.А. Полевой. Заметим, что некоторые из авторов – А.С. Шишков, Д.И. Хвостов, П.И. Голенищев-Кутузов, Н. Николев, А.А. Волкова – так или иначе были связаны с «Беседой любителей русского слова»⁸. Все же основная часть статей «Русского вестника», носивших программный характер, принадлежала самому С.Н. Глинке, который таким образом являлся издателем, редактором и основным автором собственного журнала.

Собственных средств на издание журнала у Глинки не было; первоначальную помощь ему оказал известный московский типографщик П.П. Бекетов, прежде уже издававший некоторые сочинения Глинки. Бекетов предложил взять на себя расходы за напечатание первых двух книжек «Русского вестника» и оставить за собой эти издержки в том случае, если они не окупятся; если же журнал найдет своего читателя, то издатель продолжит его выпуск на свой счет, что бу-

¹ Ответ на письмо Россиянки, напечатанное во второй книжке Вестника // Русский вестник. 1808. № 4. С. 57–76.

² Там же. С. 59.

³ Глинка С.Н. Записки. С. 275.

⁴ Державин Г.Р. Надежда на Бога: Ода // Русский вестник. 1808. № 2; Державин Г.Р. Сетование // Там же. № 3. С. 316–319; Державин Г.Р. Надпись к портрету Хераскова // Там же. № 4. С. 77; Державин Г.Р. Обитель Добрады, пастушеская мелодрама // Там же. № 10. С. 212–226; Державин Г.Р. Свыше благословенному приношение // Там же. 1814. № 11. С. 26–51.

⁵ Глинка С.Н. Записки. С. 290.

⁶ Журнал издавался в 1809–1810 гг.

⁷ Глинка С.Н. Записки. С. 290.

⁸ Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 401–404; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. С. 131–132.

дет гораздо выгоднее для него¹. Первые же книжки «Русского вестника» привлекли к себе внимание читающей публики, что позволило Глинке уплатить долг Бекетову², и в дальнейшем журнал печатался на средства самого издателя. Кроме того, П.П. Бекетов был владельцем граверной, в которой было изготовлено более 300 гравированных портретов известных исторических личностей с достоверных оригиналов. Некоторые из этих портретов – боярина А.С. Матвеева, наставника Петра I Н.М. Зотова, царицы Натальи Кирилловны, императрицы Екатерины II, Симеона Полоцкого и др. – были приложены к «Русскому вестнику» С.Н. Глинки³.

Программу своего издания Глинка изложил во вступлении к первому номеру «Русского вестника»⁴. Он начал с утверждения «русского направления» своего журнала: «Издавая Руской вестник, намерен я предлагать читателям все то, что непосредственно относится к Русским. Все наши упражнения, деяния, чувства и мысли должны иметь целью Отечество; на сем единодушном стремлении основано общее благо. <...> Все то, что относится к родной стране и согражданам нашим драгоценно сердцу, любящему Отечество. Воображение обтекает весь шар земной, мечтает, будто бы может объять весь род человеческий; сердце по убеждению чувств своих, приближается особенно к единоземцам, и любит их более всех других народов. Руской вестник посвящается Русским»⁵. Но далее из текста следовало, что обращение «к отечественному» будет проходить в контексте противостояния Франции: «Философы осьмагондесять столетия, – писал Глинка, – никогда не заботились о доказательствах; они писали политические, исторические, нравоучительные, метафизические, физические романы; порицали все, все опровергали, обещивали беспредельное просвещение, неограниченную свободу, не говоря, что такое то и другое, не показывая к ним никакого следа, – словом, они желали преобразить все по-своему. Мы видели, к чему привели сии романы, сии мечты воспаленного и тщеславного воображения! И так, замечая нынешние нравы, воспитание, обычаи, моды и проч., мы будем противопологать им не вымыслы романические, но нравы и добродетели праотцов наших»⁶. В этом пассаже Глинка вполне отчетливо обозначил антитезу, на основе которой выстраивалась консервативно-националистическая концепция журнала. Она не была четко сформулирована издателем в отдельной статье или даже номере издания, но вырисовывалась из всего комплекса его статей. Для реконструкции взглядов С.Н. Глинки мы обратились к корпусу номеров журнала за 1808–1812 гг., так как их консервативная и националистическая составляющие в этот период проявили себя в наиболее яркой и концентрированной форме⁷, а сам журнал, как совершенно точно заметил П.А. Вяземский, имел «историческое и политическое значение»⁸.

Таким образом, не вполне прав А.В. Предтеченский, выносивший на первый план издательской деятельности С.Н. Глинки проблему военного противостояния Франции и, соответственно, рассматривавший антифранцузский характер «Русского вестника» в большей степени как следствие наполеоновской

¹ Глинка С.Н. Записки. С. 260.

² Там же. С. 268.

³ Божерянов И.Н. Сергей Николаевич Глинка // Русский вестник. 1895. № 3. С. 163–164.

⁴ Вступление // Русский вестник. 1808. № 1. С. 3–10.

⁵ Там же. С. 3, 9.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Хотя принципиальное для нас значение имеют и некоторые статьи более поздних лет, поэтому в нашем исследовании мы будем опираться и на них.

⁸ Вяземский П.А. Глинка Сергей Николаевич // Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 437.

агрессии¹. Эта тема была, безусловно, важна для Глинки и звучала все увереннее по мере приближения 1812 г. и нарастания националистических настроений. Хотя уже в третьем номере «Русского вестника» Глинка не побоялся озвучить свое мнение относительно Тильзитского мира. В статье «Некоторые замечания на некоторые статьи политического сочинения г. Шлецера под названием: взор на прошедшее, настоящее и будущее»² утверждалось, что поражение под Фридрихсдорфом было не таким уж тяжелым для России и что Наполеон, напротив, после этой битвы вряд ли захотел бы «вновь попытаться военного счастья своего против Русских, ибо в продолжении прошедшего похода он всегда был близок к гибели»³. Далее обрисовывалось сложившееся в результате сражения стратегическое положение обеих армий: «Французская чрезвычайно удаленная от отечества, расстроенная потерями и успехами, имела позади себя Австрию, которая готова была объявить войну; может быть к ней пристала бы Дания, может быть самая Гишпания; Шведскую Померанию, куда ежедневно ожидали высадки Англинских войск и Шведов, и впереди Россию, восставшую во всем могуществе, имевшую время вооружиться и приготовиться к сей беспримерно кровопролитной войне, ободренную столетними победами». И вообще, «если бы миролюбивый Александр не пощадил крови своих подданных и не пожертвовал неверною союзницею благоденствию своей империи; то по сих пор Бог знает, где бы был непобедимый Наполеон и великая армия великой нации»⁴. Из этого делался следующий вывод: французам «мир был нужнее, нежели Русским»⁵. Высказав широко распространенную в обществе точку зрения о Тильзитском мире как о временном перемирии, автор заключал, что если «неисповедимыми творческими судьбами назначено когда-нибудь возгореться войне между Россией и Франциею», то Россия найдет в себе силы для отпора⁶.

Эта статья привлекла внимание не только общественности – в Английском клубе третья книжка «Русского вестника» ходила из рук в руки⁷, – на направление журнала самому Александру I пожаловался французский посланник Колленкур; причем из «Записок» Глинки видно, что до этого момента император не знал о существовании «Русского вестника»⁸. Таким образом, общая для либеральных и марксистских историков оценка издания как проправительственного и официального⁹ не выдерживает критики: официальному Петербургу «Русский вестник» был скорее неудобен. Он продолжал оставаться в оппозиции правительственной линии вплоть до 1812 г., пока Франция формально считалась союзницей России. Можно предположить, что официальные круги, осознававшие искусственность мира с Наполеоном, были заинтересованы в сохранении националистических тенденций, а потому дело с «Русским вестником» ограничилось лишь выговором цензору журнала А.Ф. Мерзлякову, а С.Н. Глинка «по политическим обстоятельствам» был уволен от московского театра, при котором состоял сочинителем и переводчиком¹⁰. Запрета на издание журнала не последовало.

¹ *Предтеченский А.В.* «Русский вестник» С.Н. Глинки. С. 118–132.

² *Русский вестник.* 1808. № 3. С. 398–407.

³ Там же. С. 399–400.

⁴ Там же. С. 400.

⁵ Там же. С. 401.

⁶ Там же. С. 404.

⁷ *Глинка С.Н.* Записки. С. 279.

⁸ Там же. С. 280.

⁹ *Заборов П.Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. М., 1978. С. 133–135; *История русской журналистики XVIII–XIX вв.* / Под ред. проф. А.В. Западова. М., 1973. С. 114; *Мельгунов С.* Глинка С.Н. // *Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат.* Т. 15. С. 143.

¹⁰ *Глинка С.Н.* Записки. С. 280.

довало. В момент написания своих мемуаров Глинка с гордостью вспоминал, что «после Тильзитского мира на него первого пал гнев Наполеона»¹.

После инцидента с жалобой Коленкура Глинка избегал откровенных высказываний на тему военного противостояния вынужденных союзниц. Конечно, свою роль сыграли цензурные запреты, но легкость, с которой он пошел навстречу цензуре, объяснялась прежде всего тем, что эта тема не была самоцелью издания. Взвзвись за «возбуждение народного духа и вызов к новой и неизбежной борьбе», Глинка имел в виду не столько вооруженный конфликт двух государств. Здесь важно заметить, что Глинка выделял «два рода войны: одна *явная*, производимая вооруженною рукою; другая *сокровенная*, производимая пронырством... Первая нападает, так сказать, на тело Государственное; другая, на тело и душу его»². И эта вторая война, согласно Глинке, гораздо опаснее первой: «Временныя потрясения Царств и болезни телесныя, не столько вредят, сколько разврат, который вкрадывается исподволь, заражает души, умы и повергает народ во всеобщее разслабление»³. В России уже «при Дворе и столицах владычествует беспредельная роскошь, а в деревнях крайняя нищета и разорение. Кто же водворяет к нам сию роскошь; кто, по правилам Аристотелевым, «чрез чувства нападает на душу»: кто питает у нас сию язву, которая поглощает нравы, имущества, труды, кровавой пот земледельцев, и останавливает успехи Отечественной промышленности? Спросят: но каким образом иноплеменные могут быть законодателями в чужой земле? Тайна сия объясняется *воспитанием*»⁴. Таким образом, Глинка выходил за рамки антинаполеоновского патриотизма и связывал его с более широкими проблемами. Принципиальное значение для него имел тот факт, что накануне возможного вооруженного нападения Россия уже подверглась «сокровенной» атаке со стороны все той же наполеоновской Франции, «развращенной», «безбожной» страны, в которой произошло одно из самых страшных социально-политических потрясений в истории человечества – революция.

Таким образом, толчком к оформлению консервативных взглядов С.Н. Глинки и консервативной концепции его «Русского вестника», как и у многих его современников, стала реакция на Французскую революцию. Осмысление произошедшего во Франции было настолько важным для Глинки, что в 1809 г. он издал книгу «Зеркало нового Парижа»⁵, которая имела «одинакую цель с Русским вестником», а именно, показав ужасы революционных событий, порадовать соотечественников тем, «что они родились Русскими и в России»⁶. Поэтому при рассмотрении взглядов Глинки на Французскую революцию, наряду с материалами его журнала, будет целесообразным привлечь и эту книгу. Ответ на вопрос: «От чего Париж в 1788 г. почитался столицею вкуса, ума, моды и просвещения, а в 1793 г. сделался вертепом извергов и злодейства?» – для Глинки очевиден: «Причину сей чудной перемены ищите в нравах и страстях. Страсти дали роскоши власть над добродетелью, легкомыслию над рассудком; страсти в жилище вкуса и моды поселили ужас и смерть. Нравы, образ мыслей и свойства людей более всего объясняют причину всех общественных перемен»⁷. Глинка изображает следующую эволюцию нравов во Франции в XVIII в.: «При Людовике XIV еще строго соблюдали внешнюю пристойность двора, и не сме-

¹ Глинка С.Н. Записки. С. 279–280.

² Русский вестник. 1808. № 4. С. 62.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Глинка С.Н. Зеркало нового Парижа, от 1789 до 1809 г. Ч. 1–2. М., 1809.

⁶ Там же. Ч. 1. Предупреждение; Ч. 2. Предупреждение.

⁷ Там же. Ч. 1. С. 1.

ли явно порицать веры и благонравия. В правление Регента самоволие и разврат сделались *модю*; при нем почитали чудом добродетельную женщину! и при нем Вольтер начал сочинять соблазнительную свою повесть о *девице Орлеанской*¹. В это же почти время осмеяли фельдмаршала Вилара за то, что он приехал ко двору в старинной одежде². Причину порчи нравов Глинка видел в материалистической философии французских просветителей, которые на страницах его журнала именовались не иначе как «лжеумствователи осьмагонадесять столетия»³. С точки зрения Глинки, источник их заблуждений заключался в отвержении Бога, Веры и всего установленного божественным промыслом миропорядка. Причем они не только отвергали, но высмеивали эти священные понятия. Так, Глинка с возмущением цитирует начало статьи «Бог средоточие вселенной» из «Вольтера для юношества»: «Однажды *мыши*, разговаривая между собою, воскликнули: как прекрасен сей мир! Как сильна наша власть! Какой великолепный храм для нас сооружен! Сам Бог от начала вечности изрыл для нас ямы, где мы живем»⁴. «К чему в сих ничтожных видах предлагать наставления разуму и душе? Ужели к уничтожению их?» – задается вопросом Глинка, и отвечает: «Уже теперь всем известно для чего Вольтер старался осмеивать все то, что в обществе людей освящено верою: к переложению величайших истин на мелкия понятия, изоцрял он всю силу своего воображения»⁵. Все тот же Вольтер, который, кстати сказать, среди всех французских просветителей подвергается наибольшей критике издателя, отрицая участие божественного промысла в земной жизни, заявил, что люди «подобны шарам, движимым слепым и непреодолимым роком... Вспрыгнув два, три раза... на мраморном помосте или на навозе, исчезаем навсегда, вот наш жребий»⁶.

Между тем, согласно Глинке, слова, мысли и действия людей находятся в неразрывной связи, потому, «привыкнув к мелким понятиям, отвыкаем от всего того, что возвышает разум и что воспламеняет душу к подвигам благородным и великим»⁷. Потому и Вольтер, уподобив людей шарам, советует не заниматься будущим, забыть о терпении, твердости духа, вере в Бога и в бессмертие души, а «переступить кое-как из одной четверти часа в другую; прыгать по воле страстей; наслаждаться мимотекущею минутою»⁸. Таким образом, «лжеумствователи» пришли к проповеди «беспредельного земного блаженства рода человеческого»⁹, а следовательно, эгоистического, потребительского отношения к жизни. Пытаясь «с помощью холодных, неодоушевленных и мрачных умствований» привести «в точность *арифметическую* честь, любовь к Отечеству, человеколюбие, думая, что исчисля сии добродетели, заставят без всякого труда оным последовать», они «раздробили благородные и величественные чувствования души и сердца» и «заразили источники их»¹⁰. Эта подмена иррациональных начал рациональными привела к следующим культурным и общественным сдвигам: «Писатели говори-

¹ Имеется в виду знаменитая сатирическая поэма Вольтера «Орлеанская девственница», высмеивавшая не столько сам подвиг Жанны д'Арк, сколько нагроможденные вокруг него церковные легенды. По поводу этой поэмы Глинка писал: «Подвергнув посмеянию Жан д'Арку, спасительницу Франции, он (Вольтер – *Н.Л.*) поругал Веру, добродетель и, наконец, славу и честь Отечества» (Русский вестник. 1811. № 6. С. 85).

² Русский вестник. 1811. № 6. С. 7.

³ Например: Там же. 1808. № 6. С. 279.

⁴ Там же. 1811. № 6. С. 51.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Там же. С. 54.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Там же. С. 58–59.

⁹ Там же. № 11. С. 122.

¹⁰ Там же.

ли обо всем *отрывисто*, и желая *щеголять остроумием*, чуждались *здравомыслия*. С того времени о всех благородных и величественных побуждениях душевных и сердечных стали изъясняться краткими изречениями, которые Французы называют *фразами*. Щеголеватая речь или *фраз* сделались главным достоинством в разговорах и во всех родах сочинений... Сия зараза из разговоров о словесности перешла и в нравы: о чем слегка говорили и писали, то и в делах, так сказать, мимоходом наблюдали. Богопочитание, вера, добродетель, терпение, великодушная и постоянная любовь к Отечеству, все сии основания обществ и Держав превратились в мимотекущие обязанности. Главное было то, чтобы блистать умом и наслаждаться минутною жизнью»¹. Так, пожертвовав священными обязанностями каждого человека «наслаждению мимотекущею минутою» просветители пришли к проповеди «общенародного блага»². Эту идею подхватили творцы Французской революции: «Робеспьеры и Мараты, вдохновленные *Вольтером* и его последователями, кричали: «Народ всеведущий, народ всевластный! Сильный правами своими, правами вольности, свободы и равенства. Не только наследственные имущества, но и труды ремесленников, все тебе принадлежит по неоспоримому праву; бери, все твое. Не щади тех, которые дерзнут воспротивиться твоим правам»³. Проповеди этого «мнимого равенства» привели к тому, что «скопища разбойников, изверженных адом, наполнили Францию ужасами, каких никогда не было под солнцем. В зверском неистовстве вооружились они на сограждан, на ближних; расстреливали, топили, казнили, мучили лютыми пытками и тысячами отправляли в ссылку»⁴.

Глинка выделяет еще один важный фактор, предваривший революцию: «Не Английское ли правительство всегда и повсюду подкупало журналистов, чтобы они во всевозможных видах водворяли везде дух английского учения, соответственный выгодам Англичан? Герцог Дорсет... находившийся до революции во Франции посланником, был главным орудием кабинета Сен-Жамского. Несколько Английских платий дорогой цены предложены были от него придворным господам: они приняли их, стали носить и вскоре все преобразилось на Английскую стать, сады, кафтаны, сапоги, завтраки. Все наперерыв друг перед другом превозносили Английское правительство, Английские магазейны, Английские конторы, английскую словесность, Английские очки, в которые смотрели в театре на мрачные зрелища во вкусе английском, и проч.»⁵. Таким образом, Глинка намекает на ведение «сокровенной войны» против французов со стороны англичан. В «Зеркале нового Парижа» Глинка раздражается по этому поводу следующей любопытной сентенцией: «До Генриха II короли Французские почти так же одевались, как и подданные их. Сей монарх на свадьбе сестры своей явился в шелковых чулках. Ревнителю древних обычаев ужаснулись. И в самом деле Генрих III установил после придворный *Этикет*; при Генрихе IV ничто не могло обуздать роскоши. ЕСТЬЛИБ кто захотел написать историю от шелковых чулок Генриха II до Англинских мод, принятых Французами: тот изобразил бы всю постепенность революции»⁶. Причину «победы» англичан над французами, с точки зрения Глинки, следует искать в пропаганде космополитизма, которую проводили просветители: они «переселяли» жителей Франции «то к Ирокейцам, то к Гуронам, то к Кафрам и Готтентотам, возбуждая в них любовь ко вселенной, а ненависть к единоплеменцам»⁷.

¹ Русский вестник. 1811. № 11. С. 123–124.

² Там же. С. 129.

³ Там же. № 6. С. 61–62.

⁴ Там же. 1812. № 5. С. 29–30.

⁵ Там же. 1808. № 7. С. 60–61.

⁶ Глинка С.Н. Зеркало нового Парижа, от 1789 до 1809 г. Ч. 2. С. 11.

⁷ Русский вестник. 1808. № 7. С. 61.

Страсти и разврат стали причиной революции, они же восторжествовали после ее окончания. Современный Париж, по мнению Глинки, представляет крайнюю степень нравственной, культурной и экономической деградации: «В Париже не щадят ничего, чтобы только обогатиться. Честь, совесть и в ум не приходят! У кого много золота, тот почтен и благороден»¹. Причем «от новых богачей нет пользы ни искусствам, ни наукам. У них на уме лошади и собаки, а не люди... Хороший стол есть первое их блаженство»². «В Париже нет прежней веселости и приветливости. Жители стали беспокойны и задумчивы. По виду их легко можно заключить, что они думают о долгах, и непрестанно вымышляют средства, как жить, и как из беды выпутаться. Расточительная роскошь, тщеславие и дороговизна припасов произвели бедность и нищету. И между тем всякой живет выше своего состояния, и хлопочет, как бы блеснуть одною наружностью»³.

Таким образом, С.Н. Глинку мало интересовала сложность политических процессов, сопровождавших Французскую революцию; он был безразличен к спорам между жирондистами и монтаньярами, якобинцами и эберистами, умеренными и радикалами. Существенным для него был лишь тот факт, что политической революции во Франции предшествовала революция нравственная, что просветители и явившиеся, с его точки зрения, их последователями адепты революции отвергли существование Бога и уверовали в «беспредельность человеческого разума», отреклись от всех обязанностей человека перед обществом и проповедовали «беспредельное земное блаженство» и «несбыточное равенство», променяли Отечество на абстрактное «всемирное братство». На такие последствия реализации либерального лозунга «Свобода. Равенство. Братство» указывал Глинка.

Франция и французская культура в глазах Глинки представляли источник деструктивных в общественно-политическом плане идей, поэтому одной из доминантных тем его журнала стала критика галломании русского общества. Надо сказать, что Глинка рассматривал ее в более широком контексте чрезмерного увлечения русского образованного общества западноевропейскими культурными и общественно-политическими ценностями, но акцент смещал именно на влияние французской культуры, которая действительно пользовалась наибольшей популярностью среди высшего общества. Вполне вероятно, что издатель «Русского вестника» не апеллировал прямо к французскому влиянию в силу цензурных запретов и памятуя о жалобе Коленкура. Можно также предположить, что в сознании читателей, охваченных антифранцузскими настроениями, инвективы Глинки прочно связывались с негативным воздействием на русское общество именно этой нации.

«Иностранцы везде, – пишет Глинка, – по одному имени своему преимущественно перед соотечественниками (которые, скажем мимоходом не умеют ни войти, ни поклониться, ни слова сказать), иностранцы принимаются в знатнейших домах; в присутствии их говорят о правительстве, о доходах государственных, о войске, словом о всем том, что относится к Отечеству. Гости сии вмешиваются в беседу, предлагают сперва мнения, потом судебские приговоры, и возвратясь *восвояси*, разглашают и пишут о том, что слышали и видели, а не редко и о том, чего и *слухом не слыхивали!* От чего же происходит сия откровенность, сие предание, так сказать, чувств и помышлений иноплеменным? От того, что они суть единственные вожди и учителя детей знатных и богатых господ...»⁴.

¹ Глинка С.Н. Зеркало нового Парижа, от 1789 до 1809 г. Ч. 2. С. 14.

² Там же. С. 18–19.

³ Там же. С. 22–23.

⁴ Русский вестник. 1808. № 6. С. 287–288.

Между тем иностранные наставники убивают в своих русских воспитанниках патриотизм и чувство собственного национального достоинства. Глинка уже в первом номере «Русского вестника» в статье «Мнения известнейших русских писателей о воспитании отечественном и о иноземцах»¹ с сочувствием цитирует Н.М. Карамзина: «Никогда иностранец не поймет нашего естественного или народного характера, и следственно не может сообразоваться с ним в воспитании; никогда он с чувством не скажет слова о России, о ее героях, народной чести и не воспалит в ученике искры Патриотизма»². А позже и сам издатель «Русского вестника» писал, что иностранные учителя лишены главного – «в них нет той привязанности к нему (Отечеству. – Н.Л.), которая и дым его любит, которая слышит отдаленный голос предков, проникает в их гробы, и по добродетелям, по чистоте нравов, по святому хранению слова, судит об их деяниях»³. По этой же причине нельзя верить иностранцам, писавшим о России, и ни в коем случае не включать их сочинения в процесс обучения русской молодежи. Даже иностранцы, долгое время жившие в России и хорошо знакомые с русскими летописями, такие как Леклерк и Левек, не смогли создать достоверного описания России и русской истории, потому что «по чувствам своих душ, по образу мыслей своих» не «могли судить о душах, о нравах наших предков»⁴. Что уж говорить об авторах, никогда не видевших Россию, как например, Кондильяк и Монтескье: первый «клеветал на нравы русских», второй утверждал «будто бы до Петра I все русское духовенство пресмыкалось во мраке варварства и невежества»⁵. Глинка с сожалением констатирует, что вместо книг, полезных для воспитания, именно эти вредные, унижающие национальное достоинство русских книги заполнили Россию. Так, он приводит выдержку из одного французского романа: «Петр I должен был сражаться с закоснелыми предрассудками Веры, с невежеством и проч. Словом Россия тогда подобна была семиглавному чудовищу»⁶. О последствиях распространения подобной литературы Глинка замечает: «Русский переводчик без сомнения пропустит сию ложь и клевету: но кто выскоблит оные из подлинника, и кто предохранит питомец большого света от чтения *Французского романа*. Воображение их невольно испугается *семиглавного чудовища*, в виде которого представлено Отечество наше»⁷.

Однако особенную опасность представляет популярность в России политически неблагонадежных сочинений «лжеумствователей осьмагонадесять столетия». Например, вот что писал Глинка о востребованности «зловредного» Вольтера: «Не только *Вольтер для юношества*, но все его *сто Частей* давно уже в руках питомцев модного воспитания. Единоземцы Вольтера учат их восхищаться затейливостью и легкостью его слога. Ученики вытверживают наизусть целые страницы; скоро весь Вольтер овладеет их памятью и душами; чему же русскому в них проникнуть?»⁸.

Этот сюжет Глинка развивает в статье «Мысли про себя», название и стилистика повествования которой подчеркивает преемственность с ростопчинскими «Мыслями вслух». Главный герой статьи с характерным именем Иов Силантьевич Домоседов, лежа на кровати, доставшейся ему в наследство от деда

¹ Русский вестник. 1808. № 1. С. 43–52.

² Там же. С. 51; оригинальную цитату Н.М. Карамзина см.: Вестник Европы. 1802. № 4. С. 363.

³ Русский вестник. 1810. № 3. С. 105.

⁴ Там же. С. 103–104.

⁵ Там же. С. 100–101.

⁶ Там же. 1808. № 9. С. 375.

⁷ Там же. С. 375–376.

⁸ Там же. 1811. № 6. С. 64.

(факт глубоко символический для Глинки. – Н.Л.), рассуждает: «Что проповедывают нам иноземные учителя? (я не говорю о всех: нет правила без исключения). Сперва станут они уверять питомца своего, что он ошибкою родился на Руси; что природа сама не знала для чего напустила на Север такие стужи и непогоды; что родина его сотворена только для медведей, и что все его соотечичи невежды, дикари; словом, не люди. Потом, следуя похвальным правилам новой философии, исподволь и ухитряясь, так очистят ум от предрассудков, что в нем... чуть ли и названия останутся о Вере, нравах и добродетелях... как же поступают в учении? Говорят: «не надобно отягощать голову излишним, должно брать всего понемногу; составить маленький всеобщий курс наук, особливо из тех, которые нужны для того, чтоб жить в большом свете и быть *любезным по моде*»¹.

Это еще одна важная проблема – поверхностность, пустота «модного воспитания», его ориентация на внешний эффект, благодаря которым в русском обществе утвердились ранее неизвестные понятия и явления – «бон-тон», «бомонд», «любезность», «мода» и «роскоши». Объясняя читателям эти понятия, Глинка рисует совершенно карикатурные, но от этого не менее трагические в его понимании картины. Так, чтобы придерживаться бон-тона, его современник «должен приглашен быть на все балы, спектакли... говорить не иначе как по-Французски; впрочем он увольняется от учтивости и хорошего обхождения. Женщина нынешнего хорошего тона ни к чему не должна оказывать внимания, ни любопытства; должна беспрестанно говорить, что ей везде скучно, и не пропускать ни бала, ни спектакля...»². Люди же, составляющие так называемый бомонд, «не заботясь ни о благе общем, ни об отечестве, судя по расчетам самолюбия своего, порицают только, или защищают злоупотребления. Молвят слова два о новостях; берутся за карты; опять обращают речь к безделицам... так проходят дни, годы и вся жизнь бомонда»³. Столь же пуста и цинична распространившаяся в высшем свете «любезность», которая стремится не к воспитанию добродетелей и совершению полезных дел, но пустить пыль в глаза, произвести благоприятное впечатление. Вот изображение типичного любезного представителя высшего общества: «Князь N.N. молод, прекрасен, умен; он был в чужих краях; блистал в Парижских Societes; каждая его шутка ходит по нескольку дней по городу, и каждому из его соперников жаль, для чего не ему удалось ее сказать. Войдет ли куда, матери и дочери кричат: “как он мил, как он *любезен*”. Наконец, он богат и чиновен... и что же? Этот любезный Князь поклянется в любви, в пламенной страсти тридцать раз, и обманет. Супружество считает он шуткою, предрассудком мелких умов; словом, самым смешным обрядом. Для чего же истощает он все остроумие свое, всю *любезность*? Для того, чтобы пленить, оковать сердце. Он изменит, обманет; он повергнет неопытную невинность в отчаяние; ему все простят: он *любезен*»⁴.

Моды и роскоши, как утверждает Глинка, уже воздвигли в России свои «святотопища» и «храмы вкуса», средоточием которых являются Кузнецкий мост и Ильинка⁵. Он подчеркивает святотатственность употребления самого слова «храм» в отношении явлений, подобных «лютым и опасным язвам общественным»⁶, так как они не только подменяют истинные нравственные ценности ложными, в результате чего человек начинает оцениваться не по собственным заслугам, а по стоимости одежды, экипажа и т.д., но и вредят фи-

¹ Русский вестник. 1810. № 3. С. 256–258.

² Там же. 1809. № 2. С. 292–293.

³ Там же. С. 297.

⁴ Там же. 1808. № 2. С. 154.

⁵ Там же. № 9. С. 332; 1809. № 10. С. 72–73.

⁶ Там же. 1808. № 9. С. 334.

зическому здоровью женщин большого света. Нарушая все законы природы, светские дамы «на смех северным бурям и зимней стуже, летают Зефирами, и легкой модной одежде жертвуют здоровьем, а не редко и жизнью»¹. Причем на концертах, балах и других светских мероприятиях становится невозможным отличить мать от дочери: «От прикосновения моды расцветает старость, а молодость стареет»². Это очень беспокоит Глинку в связи с тем, что «от воспитания девиц зависит главное семейственное и общественное счастье. Они причиняют величие или упадок целых поколений»³, а «модное воспитание, присвоив женщинам неограниченную вольность отъемлет священное и единственное их владычество, состоящее в покорении душ и сердец, силой добродетелей супруги и матери»⁴. Так, Глинка задается вопросом: «все ли матери могут быть теперь матерями-кормилицами?» – и заключает, что «многие из них, воспитанные по-новому, расслабевают телом и душою от самой колыбели; а притом, как расстаться с светом, модами и забавами?»⁵. Таким образом, физическая деградация старшего поколения распространяется и на младшее.

Помимо негативного влияния на нравственность российского общества, иностранное воспитание имело и экономический эффект. Глинка пытается обратить внимание читателей на то, как много «родовых и благоприобретенных поместий истребились от заразы иноплеменного воспитания, которое уничтожая в душе все отечественное; в умах злополучных жертв своих заглушает мысли даже и о собственной их пользе!»⁶. С детства наученные считать качественной и престижной только иностранную продукцию, представители благородных сословий тратят невероятные суммы денег на иностранные «безделки» не только внутри страны⁷, но и за ее пределами: «И молодые и старые все из царства в царство в запуски рыщут. За чем же старые бредут? Один ответ: к водам. Разве в России нет целительных вод, и не читаем ли мы в Истории, что Римляне ездили лечиться к Кавказским водам? Но Сарепта не Спа, а Липецк не Карльсбат: там веселее... может стать; но расплата тяжела. Бог знает, вылечится ли от телесной чахотки, а карманная как сон в руку»⁸. Иностранное воспитание также способствует снижению производительности труда: «Роскошь и моды ни по чему не свойственные Русским, истощив телесную крепость, изнурили и души. В сем бессилии мы живем не Природой, но воображением, которое влечет нас к прихотям и мечтам... Плодовитые сады превратили мы в городах и деревнях в гульбища иноземные: что же из сего вышло?.. Посмотрите на занятия городских жителей и тех, которые в деревнях хотя мало пристали к затеям роскоши и моды. Те и другие лучшие летние и весенние дни убивают за картами»⁹. Наконец, мода с легкостью помогает достичь столь вожделенного для западноевропейских мыслителей и политических деятелей равенства: «Жан-Жак Руссо всю жизнь изыскивал причины неравенства между людьми; мода каждый почти день уравнивает: богат беднеет, прислужники его богатеют»¹⁰.

Преклонение перед иностранными модами и роскошествами создает невыгодный имидж России за ее пределами: «Многие приезжали к нам для на-

¹ Русский вестник. 1808. № 9. С. 339.

² Там же. С. 338.

³ Там же. 1809. № 8. С. 205.

⁴ Там же. 1812. № 2. С. 71–72.

⁵ Там же. 1808. № 5. С. 218–219.

⁶ Там же. 1811. № 7. С. 123–124.

⁷ Там же. 1808. № 4. С. 39.

⁸ Там же. № 3. С. 262–263.

⁹ Там же. 1812. № 2. С. 67–68.

¹⁰ Там же. 1808. № 9. С. 335–336.

сущного хлеба, а восвояси отправлялись блестящими *дамами*. В шутку или в истину рассказывают, что одна из сих *служительниц вкуса и моды*, уехав из стран холодного Севера, выстроила великолепный дом на наличные деньги добрых Россиян, и надписала у входа: *от щедрот Русских*. Поблагодарим за великодушие сей торговки; она и не то бы могла сказать...»¹.

Засилье иностранного воспитания оказало крайне негативное влияние на социальную ситуацию в стране. «Порабощенные» западноевропейской культурой и образом жизни привилегированные слои объединились в «общество людей, от всех прочих сословий отличное одеждою, нравами, обычаями, и которое как будто бы составило в России область иноплеменную»², совершенно чуждую простонародью, все еще живущему в рамках национальных традиций и культуры³. Этот мировоззренческий конфликт, с точки зрения Глинки, был чреват возможностью социально-политических потрясений, ведь оказывалась нарушенной традиционная патриархальная связь между помещиками и крестьянами, которые теперь подвергались гнету со стороны своих хозяев⁴. Все это лишь усугублялось французской военной угрозой. В то же время, «новомодное» образование таило в себе и опасность размежевания внутри самого дворянства, которое выбирало «для воспитания детей своих учителей из того или другого народа. Всем известно, что Французы и Англичане изстари во вражде между собою. Учители сии так сказать прививают питомцам свой образ мыслей, нравы, склонности; что же из этого воспоследует? Двое Русских, напитанных сими правилами, поневоле будут чувствовать один к другому какую то *народную ненависть*, не свою, но чужую. Что же будет, когда они взойдут на степени государственные? О ком станут они заботиться; о Русских ли?.. и каждый из них не повлечется ли силою привычки к тому или другому народу?»⁵.

Однако Глинка замечает, что нравственная деградация, охватившая верхушку российской социальной иерархии, начинает распространяться и ниже, например, на мелкопоместных дворян⁶, городских слуг⁷ и даже на торгующих господских крестьян, которые оказываются восприимчивы к такого рода влиянию в силу своего не вполне определенного общественного статуса. В одной из статей «Русского вестника» Глинка говорит, что «видел у одного из таких крестьян два тома Вольтеровых сочинений, конечно, совсем не нужных быть переведенными, о которых сей человек такие делал рассуждения, что нельзя было не поразиться его беззаконием. Сии самые крестьяне большую часть года ездят за своими делами по всем ярмаркам и по всем большим российским городам, редко живут дома, и часто, возвращаясь назад, вместо денег привозят развратные нравы; такой образ жизни, который не имеет уже сходства с образом жизни их семейств, испорченную кровь или болезни, вредные для деторождения: все это доказывается малым числом детей у сих крестьян... В селах торгующих крестьян находятся все нещастия, все печали, все страсти больших городов, банкроты, долги, эгоизм, зависть, злоба, стыд и отчаяние не иметь такого богатства, как его сосед... Подобно Столицам сии села служат примером для жителей других деревень, составляющих целую волость. У богатых сельских жителей, о которых я теперь упомянул, деревенские перенимают их моды, обычаи, и хотя они принадлежат одному помещику и все вообще составляют

¹ Русский вестник. 1808. № 9. С. 355.

² Там же. № 4. С. 37–38.

³ Там же. 1812. № 2. С. 96–97.

⁴ Там же. 1809. № 4. С. 22.

⁵ Там же. 1808. № 3. С. 260.

⁶ Там же. 1809. № 8. С. 200–201.

⁷ Там же. 1811. № 9. С. 122–123.

одну собственность, сельский житель пренебрегает жителя деревенского и часто почитает за низость жениться на деревенской девке»¹. Получается, что иностранное влияние фактически разрушает традиционный патриархальный уклад крестьянской жизни.

Таким образом, иностранное воспитание породило целый ряд нравственных, а вместе с ним социальных и экономических проблем, и грозит, по мнению С.Н. Глинки, крупными политическими проблемами в будущем. Особенно актуальной проблема иностранного воспитания становилась в обстановке ожидания войны с Францией, когда огромное влияние французской культуры на русское общество посредством французского образования становилось чем-то вроде «пятой колонны» внутри государства. На страницах своего журнала С.Н. Глинка предложил свою программу исправления несовершенной действительности российского общества.

§ 2. Консервативно-националистическая программа «Русского вестника»

Так как все недостатки современной ему России издатель «Русского вестника» связывал с «тлетворным» влиянием иностранного воспитания, панацею от них он нашел в «отечественном воспитании», программу которого подробно развил на страницах журнала.

«Каждый народ, – говорит Глинка, – должен иметь воспитание, приличное первообразному его свойству»², потому что, с его точки зрения, «есть отличительное свойство, Богом и природой каждому народу назначенное: с изменением сего свойства удаляемся от цели бытия своего, от отечественных добродетелей, склонностей и нравов, словом от истинного счастья, представленного каждому человеку в недрах родной его страны»³. Причем если первоначально «нравы и свойства» оказывают влияние на формирование системы национального воспитания, то впоследствии второе начинает определять облик первых, а так же политической системы общества⁴. Так, уже поляне, утверждает Глинка, ссылаясь на летопись Нестора, обладали такими чертами как «кротость, тихость, уважение к родству, благоговение к обычаям *отец своих...* стыдение или благонравие»⁵, уже «в отдаленнейшей древности» русским были известны «две полезнейшие истины для рода человеческого: бессмертие души и воздаяние по делам, или суд Божий»⁶. Именно они составили основу русского «*особого воспитания*» и быстрого утверждения на Руси христианской веры, в свою очередь ставших «душой Русского правительства»⁷. Поэтому Глинка согласен с утверждением Руссо, что «истинное государственное хозяйство состоит в воспитании»⁸, и в свою очередь заявляет, что «воспитание отечественное» составляет «могущество, верность и власть держав»⁹. Причем он не считает зазорным ссылаться на произведения одного из страстно критикуемых им французских просветителей, а именно на упомянутую нами выше работу «Соображения об образе

¹ Русский вестник. 1808. № 6. С. 80–82, 84–86.

² Там же. 1808. № 1. С. 44.

³ Там же. № 7. С. 59.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Там же. № 2. С. 279.

⁶ Там же. 1809. № 1. С. 177.

⁷ Там же. 1808. № 9. С. 363.

⁸ Там же. С. 126.

⁹ Там же. 1812. № 6. С. 45.

правления в Польше», и делает это на страницах своего журнала не раз¹. Таким образом, неверно утверждение М. Велижева о том, что Глинка «фактически... мог опереться» на это произведение, но «конечно, никогда не называя и не цитируя» его².

Особо следует отметить, что воспитание в трактовке Глинки представляло собой сочетание образованности и знаний с нравственностью, причем последней он отводил первенствующее место, так как знание, не подкрепленное нравственностью, могло быть использовано в деструктивном направлении³. Это продемонстрировало историческое развитие тех европейских стран (прежде всего Франции), которые оказались затронуты процессом секуляризации сознания, вызванного распространением атеистической в своей основе идеологии просвещения. Глинка называет такое просвещение «мнимым», при этом принципиально важным для него является тот факт, что оно уже дискредитировано Французской революцией. В качестве антитезы Глинка вводит понятие «истинное просвещение», которое «состоит в сообразовании склонностей и страстей наших с уставами Бога, рассудка и совести, и с устремлением оных ко благу человечества, особенно же к пользе сограждан наших»⁴. Именно такое истинное просвещение явилось основой «отечественного воспитания»⁵. Таким образом, он противопоставляет «иноземное воспитание», главной ценностью которого является разум, и антирациональное, религиозное в своей основе «отечественное воспитание».

С организационной стороны «отечественное воспитание», по мнению С.Н. Глинки, предполагало, во-первых, исключительное внимание родителей к процессу обучения своих детей, к тому, кто, как и чему учит ребенка, причем это объявлялось их «первой обязанностью»⁶. Во-вторых, «Русский вестник» требовал подготовки русских педагогических кадров, учреждения русских училищ и пансионов, составления отечественных учебных пособий и преподавания на русском языке⁷.

Что же касается содержательной стороны образовательного процесса, то его стержнем должно было стать изучение русской истории. Уже во вступительной статье к первому номеру «Русского вестника» Глинка говорил о намерении составить на страницах своего издания «новую отечественную историю: историю о добродетельных деяниях и благотворных заведениях»⁸ как средоточие позитивных моделей поведения, которым родители должны были обучать своих детей. При этом решающую роль для автора имело следование традиции, опора на исторический опыт предков. Без этой опоры, с его точки зрения, невозможно благополучное развитие общества, что доказал трагический опыт «философов осьмагонадесяти столетия», основывавших свои проповеди на «мечтах воспаленного и тщеславного воображения»⁹.

«Бог. Вера. Отечество» – таковы, по мнению издателя, основы праотеческой нравственности¹⁰. Наши предки никогда не сомневались в существовании

¹ Напр.: Русский вестник. 1808. № 2. С. 173; № 5. С. 220 и др.

² Велижев М. Об источниках «петровской» концепции С.Н. Глинки // Петр Великий. М., 2007. С. 43.

³ Русский вестник. 1808. № 7. С. 26–27.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Там же. С. 21, 38–39, 47–48.

⁶ Там же. № 8. С. 190.

⁷ Там же. 1811. № 7. С. 125–134.

⁸ Там же. 1808. № 1. С. 4.

⁹ Там же. С. 6.

¹⁰ Там же. 1811. № 8. С. 71.

Бога, в его всемогуществе и знали, что всё в земной жизни предначертано Божественным Провидением, считал он. Явно противопоставляя «старинных русских» просветителям и многим своим современникам, Глинка утверждал, что первые «никогда не умствовали, будто бы познание видимого или вещественного мира, должно уничтожать бытие... Бога, и будто бы Тот, кто одним словом создал вселенную, ни в чем не отличается от вещества бездушного! Исповедуя Бога в простоте своего сердца они говорили, что видимое творение приводит к совершеннейшему познанию Творца, к прославлению имени его, и убеждает в том, что Бог создал мир, произвел все в нем находящееся и дал движение Твари»¹. Поэтому в старину люди жили, следуя божественным законам и уставам Веры. Вера – краеугольный камень праотеческой нравственности. На протяжении многих веков она поддерживала гармоничное развитие Отечества. Вера, «учиняющая всех чадами Отца небесного»², во-первых, уравнивала всех людей перед Богом, во-вторых, превращала русское общество в братский союз. Поэтому «старинных русских» никогда не возмущало существование социального неравенства, ибо они осознавали свою причастность к высшему «христианскому равенству», то есть все они были равны перед Богом. Существование сословной системы в российском государстве виделось им явлением таким же нормальным и необходимым, как различное положение членов в семье. Они осознавали, что «малое семейственное владычество есть образец всех других владычеств. В Державе обширной и благоустроенной все то же, что и в тесном кругу семейства. Владыка есть отец-наставник, судия и распорядитель; подданные суть чада»³. Эту иерархию они воспринимали лишь как частное проявление природного неравенства, установленного на земле Богом. Поэтому «всякое старшинство было для них священно»⁴. Наши предки, утверждает Глинка, осознавали, что отсутствие общественного начальства и повиновения ему угрожает стабильности и безопасности государства. Поэтому русские люди всех сословий, как любящие и послушные дети, служили своим монархам-отцам. Монархическое государство они считали единственно возможным и легитимным, а потому «лучше желали умереть, нежели жить самоуправно и без главы законной»⁵. В свою очередь, русские государи «могущества своего не отделяли от счастья и великости своего народа», равно заботились обо всех сословиях⁶, «старались о распространении правил необходимых для счастья человеческого и гражданского»⁷. Их отеческая опека над народом подавала пример нравственного взаимоотношения с подданными всем представителям высших сословий. Потому русские бояре и дворяне были любящими, милосердными отцами своим подчиненным⁸, они «учреждали общенародные празднества, угощения и сближались с простолюдинством, не умаляя ни сана, ни достоинства своего»⁹. Таким образом, в концепции Глинки Вера являлась основой особого социального порядка праотеческой Руси.

Этот порядок воспроизводился благодаря тому, что Вера составляла основу праотеческого воспитания, ибо оно базировалось на священных и ду-

¹ Русский вестник. 1809. № 5. С. 165.

² Там же. 1812. № 6. С. 86.

³ Там же. 1815. № 2. С. 16–17.

⁴ Там же. 1812. № 6. С. 78.

⁵ Там же. № 5. С. 64.

⁶ Там же. № 6. С. 267.

⁷ Там же. 1808. № 4. С. 29–30.

⁸ Там же. № 9. С. 365.

⁹ Там же. № 2. С. 130.

ховных книгах¹. Обучением своих детей занимались родители, которые сообщали своим питомцам знания прежде всего о родной стране, свято чтимые «праотеческие предания», словом, все, что возбуждало в молодом поколении патриотические чувства². «Любовь к Богу, к ближнему и к Отечеству» составляла «нравственное воспитание»³.

Оно дополнялось «воспитанием физическим», заключающимся в том, что предки «жили сообразно природе, употребляли здоровую, простую и отечественную пищу: привыкали с младенческих лет к трудам и непогодам»⁴. Отечественное воспитание готовило наших предков к «бытию гражданина», который жертвует своим частным благом ради общего, так как понимает, что первое без второго невозможно⁵.

Особое внимание Глинка придает тому факту, что праотеческое воспитание было общенародным, то есть одинаковым «для земледельцев от сохи, и бояр от теремов княжеских»⁶. Причем Россия – единственная и «в древних», и «в новых областях» страна, где с момента принятия христианства воспитывались не только привилегированные сословия, но и простолюдины⁷. В результате в старой России не существовало того культурного разрыва, который Глинка видел в настоящем, и «голос России для всех... был равно понятен»⁸. Поэтому, как утверждает издатель, в старину представители верхушки общества не презирали простой народ. Руководствуясь нормами христианской морали, учившей, что «душа превыше всего»⁹, наши предки оценивали человека не по богатству и чинам, а по его личным достоинствам и заслугам. Потому вышестоящие по социальной лестнице не боялись признать выдающихся качеств нижестоящих. Яркой иллюстрацией Глинка считал события Смуты, когда простой купец Минин возглавил дворянские дружины¹⁰. Не зная ни «мод», ни «роскошей», представители всех сословий вели одинаково простой образ жизни, были скромны и умеренны в своих желаниях, и все необходимое находили в своем Отечестве. Так, издатель утверждает, что даже русские цари «жили почти в таких же домах, как и подданные их»¹¹. «Старинные русские» знали цену нажитому их предками имуществу, потому не спускали его на ветер, а были очень бережливы: «Платье прадеда переходило к правнуку»¹². Не расточительные на предметы материального мира, наши предки обладали исключительной духовной щедростью. К ней Глинка относил милосердие, сострадание, гостеприимство и т.д. Например, в одной из статей Глинка рассказывал о том, как, узнав, что его подданные стали менее гостеприимны, царь Иван Васильевич Грозный облакался в рубище и «посещал отдаленные хижины», «стараясь чрез то восстановить в земле Русской гостеприимство»¹³. Квинтэссенцией всех этих качеств издатель представлял благотворение, то есть всемерную помощь ближним, прежде всего слабым и неимущим.

¹ Русский вестник. 1811. № 7. С. 22.

² Там же. 1812. № 6. С. 30–31.

³ Там же. 1808. № 2. С. 294.

⁴ Там же. С. 294.

⁵ Там же. С. 295.

⁶ Там же. 1812. № 5. С. 48.

⁷ Там же. С. 45–48.

⁸ Там же. 1808. № 6. С. 288.

⁹ Там же. 1812. № 5. С. 47.

¹⁰ Там же. № 6. С. 14–15.

¹¹ Там же. 1808. № 7. С. 33.

¹² Там же. № 3. С. 261.

¹³ Там же. 1812. № 12. С. 62–63.

Глинка утверждает, что благотворительной деятельностью занимались все слои населения¹. Особое же внимание издатель уделял благотворительной деятельности российских монархов. Видимо, таким образом он пытался произвести наибольший эффект на своих современников. Так, Михаил и Федор Романовы, писал Глинка, «не только с добрыми гражданами делились доходами и царским своим имуществом, но простирали отеческое попечение еще и на законопреступников»². «Простота нравов, уважение к старости, стыдливость, истинная чувствительность, изъясляющаяся в спомоществовании несчастным, гостеприимство, откровенность, дружелюбие»³ – таковы в общем виде черты национального характера русских, также сформированные религиозным мировосприятием.

Таким образом, Вера, которую Глинка считал основой особой «Русской нравственности»⁴, являлась источником «единодушия и единомыслия» русского народа⁵. Эти две силы обеспечивали крепость и гармоничность общества и государства в допетровской России. Такое государство, как доказывает Глинка, могло противостоять любой внешней опасности: оно выстояло в период татаро-монгольского нашествия⁶ и в Смутное время⁷ (эти и вообще все «темные» моменты отечественной истории издатель считал следствием забвения некоторыми членами общества «уставов Веры»; но они были исключением и преодолевались благодаря тому, что все остальное население оставалось верным праотеческой нравственности⁸).

В рамках своей концепции исторического прошлого России Глинка воспроизвел утопическую модель общественного устройства. Его идеалом было сильное монархическое государство, интересы которого стояли выше интересов отдельной личности, но одновременно выступали и гарантом последних. Все социальные отношения в этом государстве уподоблялись отношениям семейным. В результате государь выступал не просто как глава своего народа, но как его любящий отец, неустанно заботящийся о благе своих подданных; последние, в свою очередь, должны были выступать как его послушные и преданные дети. В эту же схему Глинка укладывал все отношения начальства-подчинения. Иерархическая структура общества отводила каждому его члену четко и справедливо определенные в соответствии с его социальным статусом права и обязанности. Благодаря их выполнению, государственный механизм должен был действовать без сбоев, так как каждая его деталь работала на «общее благо». Это общество могло не опасаться возможности социальной напряженности, ибо регулятором взаимоотношений между людьми выступала общая для всех христианская мораль. Таким образом, эта модель имела отчетливо выраженную нравственную природу и утверждала господство над миром нравственных законов. Издатель «Русского вестника» надеялся, что достоинства этой «азбуки общежития», якобы доказанные опытом прошедших столетий, вызовут желание его соотечественников претворить данный идеал в современности.

Концепция русской истории, предложенная С.Н. Глинкой в «Русском вестнике», была сильно мифологизирована и идеализирована. Сам издатель, исходя из дидактического назначения истории, считал это вполне оправданным:

¹ Русский вестник. 1810. № 7. С. 40.

² Там же. 1808. № 7. С. 33.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. 1815. № 2. С. 43.

⁵ Там же. 1812. № 6. С. 80.

⁶ Там же. 1808. № 4. С. 48.

⁷ Там же. 1810. № 7. С. 13–45.

⁸ Там же. 1811. № 9. С. 87–97.

«Мысленное начертание добродетельных и верных сынов Отечества не есть обман, – писал он – но желание, чтобы вместе с описанием их дел, и изображение их лиц переходило в потомство»¹. При этом не стоит забывать, что исторические статьи Глинки базировались на обширной источниковой базе: в «Русском вестнике» были опубликованы рукопись о Задонском побоище², «Поучение детям» Владимира Мономаха³, отрывки из Кормчей книги⁴, многочисленные документы эпохи Смуты⁵ и царствований первых Романовых⁶ и др.⁷ Свообразным было авторское толкование этих материалов. С.Н. Глинка разделял «ученую критику» и «нравственное рассмотрение» исторического источника, и если первая акцентирует внимание на фактической достоверности документа, то второе «вникает в деяния, от которых зависит благо или вред общественный; оно изыскивает причины твердости нравов, силы добродетелей, прочности законов и единодушия народного»⁸. Сам Глинка руководствовался принципом «нравственного рассмотрения» источника. Поэтому принципиально важен характер идеализации им российского прошлого, так как добродетели, которые Глинка приписывал предкам, были очень созвучны с теми ценностями, которые он усвоил в кадетском корпусе благодаря изучению античной истории и европейской литературы. Хотя сама публикация документов по русской истории должна была опровергать точку зрения иностранных авторов, видевших в допетровской России варварскую страну и отстаивать тезис о самобытности и богатом историческом прошлом русской культуры, издатель не смог скрыть своей зависимости и своеобразного комплекса неполноценности в отношении западноевропейской

¹ Русский вестник. 1812. № 5. С. 2.

² Рукопись о Задонском побоище под заглавием: «Сказание о Задонском побоище как бысть то побоище» // Там же. 1810. № 3. С. 1–32.

³ Правила русского воспитания, или нравственное рассмотрение духовной князя Владимира Мономаха // Там же. 1815. № 2. С. 3–45.

⁴ Краткие выписки из Кормчей книги и замечания на оные // Там же. 1808. № 8. С. 189–200.

⁵ Выписки из рукописи под заглавием: грамоты от 1610–1613 гг. // Там же. 1810. № 7. С. 13–45; № 8. С. 32–55; Отрывки о ратном деле из указов, изданных при царях Василии Ивановиче Шуйском и Михаиле Федоровиче, с некоторыми примечаниями, из книги: Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, изданный Анисимом Михайловым // Там же. 1811. № 5. С. 11–34; Рассмотрение грамоты, писанной московскими обывателями в разные города в январе 7119 г., во время междуцарствия // Там же. № 12. С. 40–65; Подвиги Прокопия Ляпунова во время междуцарствия // Там же. 1812. № 2. С. 1–12; № 3. С. 1–45; № 4. С. 1–38 и др.

⁶ О запрещении продажи табаку и ревеню царями Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем из рукописи: «Грамоты в государство царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича, 1613–1682 гг.» // Там же. 1809. № 4. С. 55–68; Наставление царю Алексею Михайловичу Симеона Полоцкого // Там же. № 11. С. 139–161; № 12. С. 280–315; 1810. № 2. С. 1–22; № 4. С. 36–56; № 9. С. 51–86; Грамота Алексея Михайловича в Туринск, об отдании чести святым дарам // Там же. № 11. С. 35–56; Поучительная грамота царя Алексея Михайловича в Туринск о божьем гневе и об учреждении поста, из рукописи // Там же. 1811. № 1. С. 56–71; Выписки и замечания из хитрости ратного дела или воинского устава, изданного в царствование царя Алексея Михайловича // Там же. № 2. С. 62–80.

⁷ Военные наставления князя Игоря сыну Святославу, из рукописи «Царство Русское, сиречь подробное и обстоятельное повествование о всех деяниях, бывших в русском царстве, о различных судьбах оно и проч., от многих иностранных и русских летописей собранное по высочайшему повелению великого государя и царя Алексея Михайловича» // Там же. 1809. № 4. С. 36–55; Сила примера, выписки из рукописи Курбского // Там же. № 11. С. 190–194; Краткое рассуждение о поучительных словах и выписка из проповедей Гедеона // Там же. 1811. № 10. С. 42–68.

⁸ Там же. № 4. С. 32–35.

культуры. Это выражалось в постоянном сравнении каких-либо фактов или явлений российского прошлого с аналогичными данными из западноевропейской культуры. Так, древние русские стихотворения Глинки уподобляет «поэмам Оссияновым и старым Французским балладам», и в тех и в других, с его точки зрения, изображены одинаковые добродетели, «которые хранят и подкрепляют общества»: «человеколюбие, правота, защищение слабого и невинного от хищной и сильной руки; гостеприимство, богобоязненность, нежность, сострадание к злополучию, и усердие к Отечеству»¹. А педагогические методы воспитателя Петра I Зотова, по мнению Глинки, предвосхищали соответствующие теории Э.Б. де Кондильяка, И.Г. Песталоцци и Ж.-Ж. Руссо².

Следующим обязательным условием «отечественного воспитания» было преподавание на русском языке, проблема, которая в начале XIX в. выходила за рамки чисто лингвистической. Спор между сторонниками «старого» и «нового» слога, или архаистами и новаторами, по общему признанию исследователей, носил мировоззренческий характер, касаясь широкого круга общественно-политических проблем³. Начало его условно можно отнести к 1792 г., когда впервые была опубликована знаменитая повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». Посвященная любви простой крестьянской девушки и написанная ясным, доступным, простым языком, она положила начало новому сентиментальному направлению в литературе, а его лидер Н.М. Карамзин вскоре приобрел множество подражателей. Однако для некоторых литераторов «несерьезный, легкий» карамзинский подход, ориентированный на западные, прежде всего французские образцы, оказался неприемлем. Взгляды этой группы выразил А.С. Шишков в вышедшем в 1803 г. «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка»⁴. А.С. Шишков и его сторонники рассматривали язык как субстанцию, которая предопределяет мирозерцание человека. С их точки зрения, в природе, строе и духе национального языка содержится освященный национальной историей и традицией комплекс нравственных устоев, который автоматически вместе с языком вливается в сознание носителя и приводит его к определенным мыслям и поступкам, соответствующим духу нации⁵. Таким образом, в их критике карамзинистов речь шла не только о стремлении последних усвоить западную, прежде всего французскую словесность, но и о неизбежно сопровождавшей этот процесс переориентации русского общества на французские культурно-поведенческие модели и игнорировании национальной культурно-исторической традиции⁶.

¹ Русский вестник. 1808. № 3. С. 374.

² Там же. № 7. С. 28.

³ *Альтшуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 26–50; *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. С. 444; *Киселева Л.Н.* К языковой позиции «старших архаистов» (С.Н. Глинка, Е.И. Станевич) // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1983. Вып. 620. С. 18–29 (далее – К языковой позиции...); *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1975. Вып. 358. С. 168–254; *Минаков А.Ю.* Франкобесие // Родина. 2002. № 8. С. 18–19; *Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 19.

⁴ *Альтшуллер М.Г.* Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 35–40; *Минаков А.Ю.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка А.С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Воронеж, 2002. С. 239–253 (далее – Рассуждение...).

⁵ *Киселева Л.Н.* К языковой позиции... С. 24.

⁶ *Минаков А.Ю.* Рассуждение... С. 240.

С.Н. Глинка примыкал к стану шишковистов. Однако вопросам языка он не отводил такого значительного места, какое те занимали в произведениях А.С. Шишкова. Если последний рассматривал язык как центральный элемент национальной культурно-исторической традиции, то для Глинки таким элементом было «отечественное воспитание» как средоточие и транслятор культурных, нравственных, общественно-политических ценностей, созданных конкретным народом за историю его существования; а национальный язык выступал лишь как одно из его звеньев. Тем не менее Глинка разделял взгляды А.С. Шишкова на роль языка в общественной жизни, поэтому его также волновала проблема повального увлечения русского образованного общества иностранными языками, когда «неусыпно занимаясь иностранными наречиями и не выезжая из России, мы живем и воспитываемся, как будто бы в земле иноплеменной»¹. Глинка имел в виду не только языковые вопросы: в соответствии с шишковистской языковой концепцией чтение иностранной литературы и переводов оборачивалось превращением русской действительности в «перевод [здесь и далее курсив С.Н. Глинки – Н.Л.] мод, дел и умствований иноплеменных»². Речь шла прежде всего о французском языке, который в обиходе русской аристократии той эпохи совершенно вытеснил родной язык. Поэтому, пытаясь вернуть своих читателей к отечественному языку, издатель «Русского вестника» не просто указывал на его достоинства, но делал акцент на его превосходстве перед французским языком.

Примечательно, что, решая этот вопрос, шишковисты исходили из сформулированного просветителями, прежде всего Ж.-Ж. Руссо, представления о том, что более совершенным является тот язык, который «естественнее», ближе к «Природе»³. Таким и представлялся им отечественный язык, и его «природность» они рассматривали с нескольких сторон. Во-первых, отечественный язык «образовался сам собою» или «сам из себя», то есть явился творением природы, а не человека⁴; с момента своего возникновения «изобилен был и богат, но еще более обогатился красотою, заимствованными от сродного ему Эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие Христианские проповедники»⁵, то есть лингвистическими достоинствами создавшей высокую культуру античной греческой и высокую нравственность византийской православной цивилизаций. Французский же язык «изник из развалин языка Латинского, который пал от развращения нравов народа на нем говорившаго»⁶. Подобное «низкое» происхождение французского языка во многом объясняло для архаистов истоки революционных событий в этой стране, следовательно, «высокая» природа языка русского означала соответствующие перспективы развития России.

Второй аргумент А.С. Шишкова и его сподвижников в пользу «естественности» отечественного языка – это обилие в нем сложных слов, то есть слов с проясненной внутренней структурой. Таким образом, связь знака с денотатом в нем оказывалась более непосредственной. Согласно архаистам, такой язык как бы преодолевал условную природу человеческого языка. Как убедительно показывает Л.Н. Киселева, это положение языковой теории архаистов было ге-

¹ Русский вестник. 1811. № 7. С. 78.

² Там же. С. 79.

³ Киселева Л.Н. К языковой позиции... С. 24. Подробнее о взглядах А.С. Шишкова на этот вопрос см.: *Виноградов В.В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935. С. 63–64.

⁴ Киселева Л.Н. К языковой позиции... С. 26.

⁵ Цит. по: *Минаков А.Ю.* Рассуждение... С. 245.

⁶ Киселева Л.Н. К языковой позиции... С. 26; см. также: *Альтшуллер М.Г.* Александр Семенович Шишков. С. 40.

нетически связано с идеями Руссо, для которого «условная природа языка предопределяет человеческую ложь, а искренность связана с отказом от всякой условности, в том числе языковой. Развивая эту идею Руссо, «старшие архаисты» пишут о том, что языковая условность разрывает непосредственную связь между словом и действием, поступком, дает возможность, говоря одно, делать другое»¹.

С.Н. Глинка развивает этот тезис. С его точки зрения, вторжение французского языка в русский выражается не только в заимствовании французских слов, но и в изменении значения русских. Например, в статье «Нравственное объяснение некоторых слов и речений» он говорит, что слово «равнодушный» изменило свое значение с «равный, сходный душою» на «хладнокровный», а «утонченный» с отрицательного значения, производного от «умаления», приобрело значение положительное – «приятный, изощренный учением хороших образцов»². Подобные метаморфозы отражаются в нравах общества: «С изменением значения слов изменяются и понятия; слова тесно соединены с мыслями, а мысли с делами. Что же впоследствии, если каждое столетие и полустолетие, *слова, понятия и деяния* наши будут изменяться; наконец, если каждый год и каждый месяц, будем *образовываться* по прихотям вкуса и мод заграничных?»³.

Понятно, что влияние «безнравственного», «условного» французского языка автоматически ведет к порче нравов. В этом контексте Глинка подчеркивает «природность» и «естественность» русского языка в том смысле, в котором его понимали в лагере А.С. Шишкова: «Мы из двух или трех имен составляем одно, и тем самым не простое воспоминание вещи возбуждаем в памяти, но и образ ее представляется воображению: *сладкогласный, самодержавный, великосердый, громоносный* и проч. ... Такого стихотворного соединения не терпит язык французский»⁴. Этот акцент усиливается введением антитезы: Глинка не просто говорит о бедности французского языка, но и ссылается на соответствующее мнение наиболее популярных в России французских просветителей. Так, в статье «Вольтерово рассуждение о бедности французского языка» он приводит следующее высказывание этого мыслителя: «Все доказывает варварство щеголеватого Французского языка»⁵. В этой же статье приводится мнение Вольтера о греческом языке, который он называет изящнейшим именно в силу обилия сложных слов. Глинка комментирует это следующим образом: «Тоже можно сказать и о Русском языке, присовокупляя к тому, что красоты оно усугубились богатством, занятым от Греческого слова»⁶. То есть издатель «Русского вестника» признает и первый из указанных постулатов последователей А.С. Шишкова. Однако взгляды Глинки обладали некоторой спецификой.

В отечественном языке А.С. Шишков выделял два слога или наречия: церковно-славянский язык, который посвящен важным предметам (это слог Священного Писания, торжественных од и пр.), и русский язык, на котором разговаривают и пишут тексты более простые (фольклор, сатиры и пр.). При этом он отталкивался от ошибочного с историко-языковой точки зрения положения о том, что церковно-славянский язык был «корнем и началом» российского языка, и именно через церковно-славянский язык русский обогатился красотами греческого слова⁷. Глинка же в одной из статей «Русского вестника» за 1810 г.

¹ Киселева Л.Н. К языковой позиции... С. 25.

² Русский вестник. 1811. № 8. С. 91–103.

³ Там же. С. 91.

⁴ Там же. 1808. № 7. С. 66; 1811. № 7. С. 69.

⁵ Там же. 1808. № 7. С. 66.

⁶ Там же. С. 72.

⁷ Минаков А.Ю. Рассуждение... С. 245–246.

осмелился утверждать «еретическую» для архаиста мысль об историческом первенстве и самостоятельном существовании русского языка независимо от церковно-славянского: «Славянский язык в сродстве с Русским... *Какой же был старинный Русский язык, и не осталось ли от него хотя некоторых следов?* К счастью песнь о полке Игоря разрешает хотя отчасти сей вопрос; в ней находим свидетельство о коренном Русском слове»¹. Можно согласиться с мнением Л.Н. Киселевой, отметившей здесь влияние на Глинку языковой позиции главы противоборствующего литературного лагеря Н.М. Карамзина. Согласно мнению этой исследовательницы, Глинка в данном пассаже фактически воспроизводит следующее высказывание лидера «новаторов»: «Авторы или переводчики наших духовных книг образовали язык их совершенно по Греческому... изменили первобытную чистоту древнего Славянского. *Слово о полку Игореве*, драгоценный остаток его, доказывает, что он был весьма отличен от языка наших церковных книг»². Интересно, что о Н.М. Карамзине Глинка на страницах своего издания упоминал с не меньшим пиететом, чем об А.С. Шишкове.

На рубеже 1810–1811 гг. вышли две значительные работы А.С. Шишкова – брошюра «Рассуждение о красноречии священного писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка, и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно...» и книга «Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки: а) Разговор I. О правописании; б) Разговор II. О русском стихотворении», в которых он развивал основные положения своей лингвистической теории³, и их появление ознаменовало новый виток полемики между «архаистами» и «новаторами». В пятом и седьмом номерах «Русского вестника» за 1811 г. были напечатаны «Выписки из разговоров о словесности, сочиненных А.С. Шишковым», которые Глинка снабдил своими сочувственными комментариями⁴. Видимо, результатом размышления над ними можно считать статью «Замечания о языке славянском и о русском или светском наречии», появившуюся в том же седьмом номере «Русского вестника» за 1811 г. С.Н. Глинка осознавал идентичность своей общественно-политической позиции взглядам членов уже появившейся к этому времени «Беседы», как и то, что его схема развития русского языка выходит за рамки шишковистской системы и никак не согласуется с утверждением Шишкова, согласно которому славянский язык является корнем и началом языка русского. Поэтому Глинка попытался оправдаться: «Может быть *светский язык* неправильно назвал я *коренным словом*. Но если и погрешил я в том, то еще повторяю, что отнюдь не помышлял отделить Русского языка от Славянского»⁵. Пытаясь согласовать эти утверждения, Глинка заявляет: «Договоры Олега... предшествовали у нас преложению духовных книг: следственно язык или *слово светское* предварило *слог духовный*. В тех *договорах чистый язык* Славянский ибо нет ни одного иностранного слова»⁶. Таким образом, «коренной язык» – язык, лишенный заимствований из чуждых по духу иностранных языков. В этом смысле – «по духу» – русский и славянский – это один язык.

Однако вслед за Шишковым Глинка уточняет, что они составляют «два наречия, нераздельные по сродству, но различные по употреблению»⁷. Он предлагает следующую концепцию развития русского языка: «старинный», или «ко-

¹ Русский вестник. 1810. № 5. С. 129–130.

² Цит. по: Киселева Л.Н. К языковой позиции... С. 27.

³ Альтшуллер М.Г. Александр Семенович Шишков. С. 50–53.

⁴ Русский вестник. 1811. № 5. С. 80–130; № 7. С. 8–43.

⁵ Там же. 1811. № 7. С. 57–58.

⁶ Там же. С. 57.

⁷ Там же. С. 90.

ренной», русский язык, который «служит к разговорам, к изображению мыслей и к начертаниям Природы»¹, существовал до принятия христианства, о чем свидетельствуют договоры русских князей с греками; он сохранился и после крещения Руси, это доказывает «Слово о полку Игореве», которое Глинка трактует как памятник светской литературы². Первое вторжение «чужезычия» произошло при переводе греческих книг, после которого можно говорить о существовании русского и славянского (церковного) языка. Причем Глинка рассматривает этот языковой симбиоз именно как вторжение, в чем опять же близок к позиции карамзинистов, считавших церковнославянский язык особым, которому надо учиться как иностранному, а славянизмы – заимствованиями, которые надлежит устранить из «чистого» русского языка³. Зато «под игом Татар, Славянский язык, охраняемой благочестием и Верою, пребыл неизменен и непоколебим: Русский начал заражаться чужезычием»⁴. «Со времени тесного сближения России с Европою» пострадали оба языка: «Русский слог затмили чужезычием; в язык Славянский начали вносить речи, величию его несвойственные»⁵, хотя русский язык, безусловно, «пострадал» больше.

Таким образом, примыкая к лагерю А.С. Шишкова в языковой полемике начала XIX в., Глинка отличался и некоторой самостоятельностью взглядов, приближавшей его к противоборствующему лагерю во главе с Н.М. Карамзиным. Глинка был солидарен с Шишковым по вопросам о роли лингвистических заимствований и их влиянии на развитие русского языка, о красоте, богатстве и преимуществах русского языка перед французским, о функциональном предназначении различных слогов отечественного языка. Вместе с тем, он гораздо менее тенденциозен в своих лингвистических взглядах. Так, откровенно идеологизированное утверждение Шишкова, что «корнем и началом» русского языка является церковно-славянский, для главы архаистов означавшее установление преемственности с православными ценностями, было вначале отвергнуто Глинкой. Основываясь больше на знакомых ему исторических источниках и фактах, нежели движимый своими идеологическими убеждениями, Глинка первоначально занял позицию более близкую карамзинистам и настаивал на историческом первенстве светского русского языка. Однако в пору очередного обострения полемики в 1811 г., которое нагнеталось предчувствием событий 1812 г., ему пришлось окончательно определиться со своей позицией в этом споре и полностью согласиться с концепцией Шишкова, к лагерю которого он, несомненно, принадлежал по своим общественно-политическим позициям. Хотя, на наш взгляд, это согласие было скорее дипломатической мерой, нежели реальным признанием правильности позиции Шишкова. В любом случае, первостепенное значение для издателя «Русского вестника» имело возвращение своих соотечественников, говоривших по-французски, к «истинному» источнику нравственности – родному языку.

С помощью «отечественного воспитания» читатели «Русского вестника» должны были вернуться к традиционным для России нормам поведения и жизни в обществе. Важнейшей из них было исполнение своей «должности», то есть заложенных в социальном статусе каждого человека обязанностей, которым соответствовали и определенные права. С точки зрения Глинки, каждый человек должен трезво оценивать свои силы, недостатки, достоинства и характер

¹ Русский вестник. 1811. № 5. С. 86.

² Киселева Л.Н. Еще раз о С.Н. Глинке – читателе «Слова о полку Игореве» // *Finitis luodecum lusris*: Сб. ст. к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 97–100.

³ Живов В.М. Указ. соч. С. 433.

⁴ Русский вестник. 1811. № 7. С. 87.

⁵ Там же. С. 70.

общения с другими людьми – с тем, чтобы «узнать назначение твое в сем мире, цель и должности жизни твоей»¹. Исполнение своей должности было основой сохранения стабильности общественного порядка. Глинка утверждал, что все социальные потрясения были вызваны нарушением общественных границ и соответствующих каждому сословию обязанностей. Так, стрелецкие бунты конца XVII столетия, с точки зрения Глинки, были инициированы тем, что стрельцы оказались допущены к торговым промыслам, «несвойственным оборонителям Отечества», вследствие чего «прилепились к алчбе, буйству и своеволию»². Поэтому «Русский вестник» С.Н. Глинки последовательно отстаивал необходимость сохранения жесткой иерархической структуры российского общества.

Издатель не ассоциировал ее с социальной несправедливостью и угнетением податных слоев населения на фоне процветания высших сословий. На страницах своего журнала он в законченном виде сформулировал один из стержневых принципов зрелой консервативной идеологии – принцип иерархии как регулятора требований, предъявляемых каждому члену общества в зависимости от его социального статуса: то есть чем выше положение человека, тем выше его ответственность и шире круг обязанностей³. Получалось, что различное положение сословий нивелировалось степенью долга и ответственности, которую несли на себе привилегированные слои. Соответственно, самой сложной должностью являлась должность монарха, который, согласно патриархальной модели общественного устройства С.Н. Глинки, был отцом всего народа и «примером своим учреждал нравы и мнение общественное»⁴. Потому значительное место в «Русском вестнике» было отведено проработке «должности» государя и образов русских государей. В статье «Свиток Вадима Храброго» Глинка подробно описал образ идеального главы государства:

«Слава Государя основана на счастье народа; власть его утверждается в сердцах подданных. Дух великого Государя возвышается величием его сана; он имеет великие намерения и предприимлет подвиги, достойные его власти. Он созывает мужей мудрых на совет, выслушивает с благоволением их мнения и с благодарностью следует их совету. Он умеет разбирать достоинства своих подданных, и каждого употребляет по его способности. Бояре его мудры, судьи справедливы, воеводы храбры, народ послушен и верен. Владыка, сими качествами украшенный, ободряет и распространяет торговлю, покровительствует художества и науки; с людьми искусными обходится милостиво, производит в душах их благородное соревнование, и трудами их прославляется его владычество. Предприимчивость купца, распространяющего торговлю; трудолюбие земледельца, питателя государства, искусство художника, любомудрие в науках упражняющегося, все сие животворится и ободряется милосердием и щедротой его.

Великий Государь созидает новые грады, заселяет земли, до сего впусть лежавшие, соединяет реки и моря рвами, строит корабли, укрепляет пристани; народ его обогащается, и сила Государства ежедневно возрастает. Он издает мудрые законы и учреждения; подданные его пользуются трудами плодов своих в безопасности; всякого имущество для него есть свято и ненаруσιμο; счастье его народа состоит в исполнении закона; на суде он правдив и милостив; извиняет слабости, но не щадит злодейства; слух его всегда отверст к жалобам народа: он укрощает притеснителей его.

¹ Русский вестник. 1809. № 9. С. 283.

² Там же. № 10. С. 16; 1811. № 1. С. 41–42; 1812. № 5. С. 50–51.

³ Репников А.В. Метаморфозы русского консерватизма: от С.С. Уварова до Никиты Михалкова // Отечественная история. 2001. № 3. С. 107–108.

⁴ Русский вестник. 1812. № 6. С. 53.

Подданные почитают сего Государя отцом, взирают на него с любовью и почтением, и благословляют содетеля их благополучия. Между Государем и народом рождается взаимная доверенность; не слышен глас ропота и неудовольствия. Враги не смеют ввести подданных его в возмущение, готовых жертвовать последнею каплею крови своей. Мужество, верность и любовь составляют недремлющую стражу его Державы: от взора их с трепетом убегает враждебное злоумышление. Мир и спокойствие процветают внутри Государства; благодарность народа и слава предстоят лицу владыки»¹. И еще одна важная характеристика образа идеального монарха заключалась в следовании национальным традициям во всех сферах общественной жизни – «в соображении деяний и учреждений своих с духом и коренными свойствами народа»².

С точки зрения С.Н. Глинки, все российские монархи соответствовали этому образу. Таковы представленные на страницах «Русского вестника» портреты Александра Невского³, Владимира Мономаха⁴, первых царей династии Романовых⁵ и др. Однако наибольшее внимание уделялось монархам, с деятельностью которых были связаны ненавистные издателю европеизация России и пропаганда просветительских идей, – Петру I и Екатерине II. Вероятно, этот выбор можно объяснить тем, что в глазах современников Глинки фигуры этих монархов имели статус национальных икон, а потому назидательный потенциал их образов был максимально высок. С другой стороны, именно обращение к ним как представителям национальной традиции давало Глинке возможность проигнорировать неудобный для него факт коренного отличия Московской Руси от Петербургской России и таким образом рассматривать современное ему государство как прямого наследника политического строя допетровской Руси.

О важном месте фигуры Петра I в консервативно-националистической концепции С.Н. Глинки свидетельствует уже то, что статья о первом русском императоре следовала сразу за вступлением к первому номеру «Русского вестника»⁶. В ней автор обозначил все основные штрихи образа Петра I, которые в дальнейшем более подробно прорабатывались на страницах журнала. Прежде всего Глинка отступал от традиционной для XVIII в. трактовки императора как преобразователя России, открывшего новую страницу в отечественной истории. Петр позиционировался как продолжатель славных дел Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана IV, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, то есть оказывался вписан в русскую культурно-историческую традицию⁷. Глинка объяснял это тем, что будущий *русский* царь получил «истинное *русское* воспитание», идущее со времен Владимира Мономаха и основанное на любви к Богу, к ближнему и к Отечеству⁸. В строгом соответствии со взглядами издателя, воспитанием Петра занималась его мать – царица Наталья Кириллов-

¹ Русский вестник. 1809. № 9. С. 292–296.

² Там же. 1811. № 9. С. 78.

³ Князь Александр Невский // Там же. 1808. № 8. С. 157–183.

⁴ Правила русского воспитания, или нравственное рассмотрение духовной князя Владимира Мономаха // Там же. 1815. № 2. С. 3–45.

⁵ Грамота из Тобольска в Нарым о единодушном избрании на царство Михаила Федоровича Романова // Там же. 1809. № 1. С. 83–93; О запрещении продажи табаку и ревеню царями Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем // Там же. № 4. С. 55–68; Царь Алексей Михайлович // Там же. 1810. № 1. С. 3–23; Сравнение правил и деяний Алексея Михайловича с правилами и некоторыми деяниями Людовика XIV // Там же. № 2. С. 22–40; Отрывки о ратном деле из указов, изданных при царях Василии Ивановиче Шуйском и Михаиле Федоровиче // Там же. 1811. № 5. С. 11–34 и др.

⁶ Русский вестник. 1808. № 1. С. 11–22.

⁷ Там же. С. 11–13.

⁸ Там же. № 3. С. 294–295.

на, являвшая сыну лучший пример добродетели и приобщавшая его к «деятельному благотворению». Глинка часто рассказывал читателям о том, как Наталья Кирилловна обходила со своим подрастающим сыном все святые места, пытаясь привить ему глубокое религиозное чувство¹; о том, как она всю жизнь помогала нуждающимся, и Петр, подражая примеру матери, собственноручно изготавливал дорогостоящие вещи, продавал их и раздавал полученные деньги в тюрьмы, больницы и беднякам². Взойдя на престол, Петр получил возможность распространить свою благотворительную деятельность на все население страны. Таким образом, благодаря примеру своей матери, сама фигура которой в материалах журнала отождествляется с ценностями Московской Руси³, Петр сформировался как высоконравственная, гуманная личность и усвоил бесценный нравственный опыт предков.

Обучением Петра конкретным наукам занимался «отечественный наставник» – Никита Зотов, которого Глинка представляет выдающимся педагогом, всерьез утверждая, что его воспитательная программа не уступала и во многом предвосхитила педагогические теории Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, и Э.Б. де Кондильяка⁴. Именно Зотов, наряду с информацией, касающейся России, сообщал своему ученику о новейших иностранных достижениях во всех сферах государственного устройства, в области военного дела, науки и техники. Полученное юным Петром образование представляло собой удачный, с точки зрения Глинки, синтез выборочной информации о действительно полезных изобретениях зарубежных, прежде всего западноевропейских стран, и исконно русских традиций служения ближним и Отечеству. Таким образом, неукоснительная реализация всех принципов «отечественного воспитания» подготовила Петра к образцовому исполнению «должности» монарха, который, «забывая личность свою, нигде не забывал подданных», «жил Отчеством и для Отечества»⁵.

С.Н. Глинка оригинально интерпретировал государственную деятельность Петра Великого. Так, он полностью игнорировал факт проведения в его царствование крупномасштабных политико-административных реформ. Внимание издателя привлекали лишь некоторые направления его деятельности. Во-первых, внимательность Петра к крестьянам, его забота об их благосостоянии. Правда, Глинка никогда не представлял конкретных доказательств такой заботы, а ограничивался патетическими восклицаниями вроде следующего: «Ни в какое время не забывал Он хижин поселян, пашен и трудов их»⁶. Зато, следуя своим умозрительным построениям, Глинка рисовал перед читателями идиллические картины, в которых великий монарх посещал крестьянские хижины, сидел за одним столом с их жителями и угощался пищей простого наро-

¹ Русский вестник. 1808. № 12. С. 281.

² Там же. 1809. № 3. С. 482–483.

³ Это можно проследить по многочисленным материалам журнала, посвященным русской царице: Царица Наталья Кирилловна, отрывок из послания к Вольтеру // Там же. 1808. № 2. С. 192–194; Воспитание Натальи Кирилловны Нарышкиной в доме боярина Матвеева // Там же. № 6. С. 291–306; Царица Наталья Кирилловна, или свойство матери россиянки // Там же. № 12. С. 261–317; Прощанье царицы Натальи Кирилловны с братьями во время стрелецкого бунта // Там же. 1810. № 11. С. 1–11; Сватовство царя Алексея Михайловича к дочери боярина Матвеева // Там же. № 10. С. 3–11. В этих статьях Наталья Кирилловна предстает как архетип истинной русской женщины – жены, матери, дочери, сестры – и олицетворение семейственных добродетелей.

⁴ Зотов, наставник Петра I, или рассмотрение способа его учения и соображение оною с правилами Ж.-Ж. Руссо, Кондильяка, Локка и прочих писателей о воспитании // Там же. 1808. № 9. С. 299–330.

⁵ Русский вестник. 1810. № 4. С. 98.

⁶ Там же. № 11. С. 65.

да¹. Именно в таких сюжетах Петр воплощал базовые образы модели Глинки: он изображался как добрый, любящий отец своих подданных, как человек, вполне осознавший краеугольный для издателя принцип «христианского равенства» и не признающий социальных барьеров. Что же касается реального тяжелого положения крестьянского населения в петровский период, то его Глинка обходил стороной.

Во-вторых, концептуально важным для Глинки было уничтожение Петром Великим последних остатков местничества и выдвигание на первый план принципа личных достоинств и заслуг человека. Таким образом, при сохранении иерархической структуры общества, без которой, по мнению издателя, государство обязательно погрязнет в произволе и анархии, значительно повышался уровень социальной мобильности: теперь любой россиянин, обладавший выдающимися талантами в какой-либо сфере, мог занять в ней высокую должность, вне зависимости от своего происхождения. Это продемонстрировали судьбы А.Д. Меншикова, П.П. Шафирова и других сподвижников Петра, но особенно поучителен, с точки зрения Глинки, опыт самого государя, прошедшего через все ступени воинской службы².

Третья заслуга Петра I, отмеченная издателем «Русского вестника», – создание регулярной армии и военно-морского флота. Эти мероприятия потянули за собой целую цепочку других преобразований. Особое значение Глинка придавал становлению «отечественной промышленности», которую Петр называл «душой Государства»³, «первым источником благоденствия общественного»⁴. Рассматривая этот вопрос, Глинка акцентировал в Петре ценное, с его точки зрения, качество – способность восторжествовать «над предрассудком, будто бы властителям народов стыдно и унижительно быть людьми»⁵, «оставить престол и окружавшее его великолепие», снизить до положения простого плотника и «странствовать по свету единственно для пользы своих подданных»⁶. Подобная интерпретация Петра опять же соответствовала принципу высшего «христианского равенства». Причем умение не только повелевать, но и повиноваться, когда того требуют нужды государства, с точки зрения Глинки, является продолжением семейных добродетелей Петра, который был «покорным» и «нежнейшим сыном попечительной и богобоязненной матери», во всем следовавшим ее наставлениям⁷. А на «службе» монарха он был таким же простым работником, как и все его соотечественники, с тем только отличием, что последние трудились на какой-то одной стезе, а Петр должен был вникать во все вопросы государственной жизни. Так, занимаясь становлением отечественной промышленности, он лично обучал ремесленников тому опыту, который приобрел в Европе⁸, вникал во все вопросы, начиная от выбора подходящего сырья и заканчивая проблемой рабочей силы. Параллельно привлекал для работы на вновь создававшихся фабриках и мануфактурах «праздношатающуюся нищету» и, таким образом, «малолетним преграждал путь к разврату», а «взрослым доставлял труд и пропитание»⁹. То есть мудрый «Государственный Хозяин» наряду с экономическими разрешал проблемы социально-нравственного характера.

¹ См. напр.: Русский вестник. 1810. № 11. С. 65–66.

² Там же. 1808. № 6. С. 15.

³ Там же. 1810. № 4. С. 107.

⁴ Там же. 1808. № 3. С. 302.

⁵ Там же. С. 303–304.

⁶ Там же. № 6. С. 347–348.

⁷ Там же. № 1. С. 17.

⁸ Там же. 1809. № 3. С. 483.

⁹ Там же. 1808. № 3. С. 305–306.

Затрагивая тему преобразований Петра I, С.Н. Глинка не мог обойти стороной факт европеизации России, произошедшей в петровское царствование и, с точки зрения Глинки, явившейся отправной точкой всех бед современного ему российского общества. Тем не менее издатель нашел аргументы для оправдания Петра. Прежде всего почти во всех статьях, где так или иначе затрагивается тема петровских преобразований, Глинка отстаивает право императора, как и любого другого человека, на ошибку¹. Стараясь благоустроить Россию с помощью полезных западных нововведений, Петр, по убеждению Глинки, не видел в своей деятельности решительно никакой угрозы. И это должно полностью оправдывать монарха в глазах его потомков.

Глинка доказывает невиновность Петра I, отталкиваясь от тезиса, что все его преобразования были направлены вовсе не на то, чтобы «исторгнуть Россию из России; но чтобы укрепить и вознести ее в ней самой»². Так, приглашая в свое Отечество иностранных специалистов в области промышленности, военного дела, образования, Петр желал лишь того, чтобы они обучили своему искусству его подданных, искренне надеясь, что трудолюбивые и ревностные к общему благу русские люди скоро превзойдут успехи европейцев, следовательно, нужда в их услугах исчезнет³. Объясняя петровские новации в светской жизни российского общества, Глинка то утверждал, что это была попытка проучить французов, считавших жителей России «медведями» и «неуклюжими увальнями»; то – расценивал как меру, направленную на сближение «спесивых бар»; а то и просто как «комедию»⁴.

Согласно Глинке, Петр I имел полное моральное право надеяться на благоразумие и духовную стойкость своих соотечественников, так как сам якобы являл им пример высоконравственного поведения и обладал всеми истинно *русскими* добродетелями: скромностью, умеренностью, трудолюбием, бесстрашием и т.д.⁵ Но особый акцент делался на ревностном Богочитании Петра и его уважении и приобщенности к прошлому своей страны, к «праотеческой нравственности». Зная, что «ни природа, ни общество не могут существовать без воли и *разумения* *Всемогущаго*», что «Бог движет и учреждает вселенную»⁶, Петр за все свои достижения и победы благодарил Всевышнего⁷. Преклонение царя перед славной историей своей Родины, перед нравственностью и духовностью своих предков Глинка доказывает благоговейным отношением Петра к выдающимся историческим деятелям России («В бытность свою в Нижнем Новгороде, подходил он с благоговением ко гробу гражданина *Косьмы Минина*; в граде им самим основанном, с чиновниками своими встречал на Неве пренесение мощей *Александра Невского*»⁸); вниманием к «вековой опытности» русского народа, заключенной, например, в пословицах⁹, которые Петр довольно часто цитировал. Таким образом, созданный Глинкой образ Петра I укоренен в традиции.

Принципиально важным для Глинки является тот факт, что все эти качества Петр обрел до своей поездки за границу в составе Великого посольства,

¹ Русский вестник. 1808. № 1. С. 20–21; *Глинка С.Н.* Зеркало нового Парижа. Ч. 1. С. 17; Русский вестник. 1810. № 4. С. 106 и др.

² Русский вестник. 1810. № 4. С. 108.

³ Там же. 1808. № 3. С. 307; 1810. № 4. С. 100–101.

⁴ *Глинка С.Н.* Зеркало нового Парижа. Ч. 1. С. 17.

⁵ Тот же перечень качеств Глинка представляет при описании «добродетелей времен Богатырских» (Русский вестник. 1808. № 6. С. 325–340).

⁶ Русский вестник. 1811. № 4. С. 17.

⁷ Там же. № 3. С. 44.

⁸ Там же. 1808. № 1. С. 17–18.

⁹ Там же. 1811. № 11. С. 74.

и праотеческая нравственность составила своего рода иммунитет против «тлетворного» западного влияния. Это дало издателю возможность по-новому интерпретировать характер путешествия императора: «протекая чужеземные страны, Петр поучал народы и царей»¹ истинной нравственности, а не только обучался ремеслам. М. Велижев в связи с этим утверждает, что своим описанием великого посольства Петра Глинка «отвергал идею изоляционизма России. Путешествие Петра за границу, в ходе которого он обучил европейцев добродетели, становилось моделью для любого дальнейшего общения россиян с иностранцами. Отделенность России от Европы преодолевалась за счет смены актантов в дихотомии влияние/восприятие. Россия, по мысли Глинки, влияла на Европу, а та воспринимала через Петра пример истинной нравственности»².

Наиболее ярко иллюстрирует это положение статья «Разговор Петра Первого с Анною, Англинскую королевою», появившаяся в четвертом номере «Русского вестника» за 1810 год³. Статья написана в форме беседы двух монархов, в которой Анна выступает в качестве вдумчивого и внимательного собеседника, задающего «нужные» вопросы Петру. Она одновременно может служить и как образец восприятия западными монархами петровского образца поведения правителя. Так, Анна произносит, обращаясь к Петру: «Вижу сколь подвиг Твой превзошел деяния всех Царей... Многие из владык земных порочными делами помрачили блеск венца и порфиры; а Ты на обрубке дерева напечатлел следы бессмертной славы. Дивлюсь тебе, Государь!»⁴. В этой статье также затрагивается проблема вестернизации России и сопутствовавшей ей порче нравов. Глинка вкладывает в уста английской королевы следующее замечание: «Государь! Что будет, если твой народ, переняв ремесла, художества и искусства Европейские, переймет и все то, что послужит к истреблению первородного его свойства?... Государь! стараясь обратить внимание Русских на области Европейские, Ты возбудишь любопытство, возрождающее страсти: вскоре может вторгнуться роскошь, питательница страстей, а с нею и все то, против чего вопиют теперь в странах, называемых просвещенными...»⁵. Примечательно, что здесь сквозит отрицательное отношение Анны к западноевропейскому просвещению. Характерно также, что она противопоставляет русского монарха французскому: «Кто более современника нашего, Людовика XIV, сиял славою и великолепием? Почти пятьдесят лет удивлял он Европу, блеском побед и велелепием престола своего; а теперь, скорбя о злополучии народа, стеньящего под бременем лавров, он оплакивает мечты победоносной славы; с раскаянием взирает он на пышность Двора своего... он вещает Царям: “Умеренность и добродетель сохраняют Державы; честолюбие разрушает их”»⁶. Ответ Петра снимает с него всякую нравственную ответственность за европеизацию: «Государыня! Ты разительный предлагаешь пример ничтожности славы человеческой: Людовик XIV угасает в глазах наших! Да научит он, в чем же состоит неизменное благо народов! Государыня! Тобою свидетельствуюсь, того ли ищущего, чего домогался современник наш, Людовик? Нет! Русские не укорят Петра исканием наружного блеска и приманок роскоши. Богу отверсто мое сердце; Он видит, какого истинного блага желаю моему Отечеству. Но я человек, я могу погрешить: вместе с полезным могу

¹ Русский вестник. 1808. № 1. С. 20–21.

² Велижев М. Об источниках «петровской» концепции С.Н. Глинки // Петр Великий. М., 2007. С. 52.

³ Разговор Петра Первого с Анною, Англинскую королевою // Русский вестник. 1810. № 4. С. 56–68.

⁴ Там же. С. 58–59.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Там же. С. 63–64.

ввести что-нибудь и вредное, могу увлечься быстрым стечением обстоятельств и нетерпением, да наслажусь скорее плодами трудов моих. Не скрываю сего чувства: оно есть единственная награда Петру за все предприятия его. Отдавая на суд потомства мои дела, скажу Россиянам: «Сыны России! Я оставляю вам пример мой и дела мои. Если, научась ремеслам и искусствам, вы обольститесь приманками роскоши Европейской, вспомните только, чем занимался Петр?.. В роскошах ли, в забавах ли провождал он жизнь свою? К твердости ваших душ, к крепости ваших мышц он желал присоединить *внутреннюю промышленность*: сии три силы вознесут Россию на верх возможного Государственного Благополучия. Не для того странствую, не для того тружусь, чтобы исторгнуть Россию из России; но чтобы укрепить и вознести ее в ней самой»¹.

Самым значительным в концептуальном плане сюжетом для Глинки являлось посещение Петром I Парижа. Пребывание Петра в других крупнейших городах Европы не вызывало такого пристального внимания. Визиту же в Париж посвящена и отдельная статья в «Русском вестнике»², и значительное место в «Зеркале нового Парижа», произведении, которое, как уже упоминалось, было создано в годы издания журнала Глинки и частично совпадало с ним по цели. Париж – цитадель просветительской идеологии, которую Глинка характеризовал как «лжеумствование французских злоумышленников» (то есть просветителей)³, это место, где началось одно из самых страшных и трагических с точки зрения консерваторов событий в истории человечества – Французская революция. Этот город – источник «иноплеменной заразы», «мод», «роскоши» и «страстей». То есть для Глинки столица Франции – это родина и источник всего того, с чем он не мог примириться и против чего вел ожесточенную борьбу. Поэтому он считал необходимым показать, что Петр сохранял праотческие добродетели, мудрость и проницательность даже в этом «гнезде разврата», которым Париж являлся уже в начале XVIII века. С этой целью Глинка красочно описывает, как среди блеска и пышности Парижа русский государь сохранял присущую ему простоту, которая проявлялась и в его одежде, и в его поступках; как своим проницательным взглядом он отметил «ропот» и «беспокойствие» парижан, «легкомыслие, суетность и праздность» их жизни, увидев в них ростки будущей революции⁴.

Таким образом, изображенный С.Н. Глинкой портрет Петра I полностью соответствовал сконструированной им модели идеального государя в государстве-семье. Создавая образ Петра, Глинка следовал апологетической традиции XVIII в., мифу о «работнике на троне», оформившемся в творчестве М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова, но у Глинки это уже не преобразователь России, не Демиург, его Петр – это «Божество-хранитель»⁵, сконструированный в рамках националистического дискурса.

Образу Екатерины II Глинка уделяет не столь пристальное внимание, однако этот сюжет интересен тем, что издателю пришлось соединять «русскость» монархини с ее иноэтническим происхождением. Ссылаясь на то, что «расстояние веков не изменяет понятий здравых и созидающих возможное счастье людей» и что «истинные друзья общества, Отечества и человечества всегда согласны мыслили» об их пользах⁶, издатель утверждал, что в вопросах воспитания и нравственности Екатерина II руководствовалась исконно русскими традиция-

¹ Русский вестник. 1810. № 4. С. 65–68.

² Там же. 1811. № 4. С. 3–20; № 5. С. 1–11.

³ Там же. 1812. № 6. С. 93–103.

⁴ Там же. 1808. № 1. С. 20–21; *Глинка С.Н. Зеркало нового Парижа*. Ч. 1. С. 16.

⁵ Русский вестник. 1808. № 3. С. 303.

⁶ Там же. 1815. № 2. С. 36.

ми. В статье «Правила русского воспитания, или нравственное рассмотрение духовной князя Владимира Мономаха»¹ Глинка проводит сравнение высказываний Екатерины и тех назиданий, которые мудрый князь оставил потомкам в своем «Поучении», и заключает, что оба государственных деятеля придерживались одной системы ценностей: в качестве основ воспитания оба видели страх Божий, охоту к труду и отвращение к лени, любовь и сострадание к ближним, уважение к старшим, исполнение своей «должности» и служение Отечеству². Таким образом, Глинка убеждает читателей в том, что понятия Екатерины о целях воспитания соответствуют принципам «истинно русского воспитания».

Вступив на российский престол, Екатерина «покаялась Богу и России быть Монархиней-Россиянкой»³ и действительно духовно сроднилась с Россией и русским народом. Глинка подкрепляет это утверждение целым рядом аргументов. Прежде всего издатель подчеркивает любовь Екатерины к старой столице – Москве, которую он считал средоточием и хранительницей исконно русских праотческих традиций⁴. Следовательно, императрица любила и старинный образ жизни россиян. Она познакомилась с ним благодаря постоянному постижению коренных свойств и духа русского народа, познанию его подлинного образа мыслей и понятий⁵. Все это она, подобно Петру I, находила в народных поговорках и пословицах. Причем, уважая заключенную в них мудрость, Екатерина даже цитировала «общенародные изречения» в своих законах⁶. О тонкости восприятия государыней особенностей народного свойства своих подданных, по мнению Глинки, свидетельствует то, что она написала отечественную историю «для созидания русских душ и сердец»⁷ и, вообще, «все произведения ее пера относились к изображению нравов и добродетелей предков наших»⁸. Кроме того, своими сочинениями она старалась покончить с представлениями иностранцев о России как о варварской стране⁹. То есть интересы новой родины стали ее собственными интересами. С этого времени, как утверждает Глинка, главной целью жизни Екатерины стала забота о счастье ее подданных и о процветании ее государства. Таким образом, Глинка связывал «русскость» не столько с этническим происхождением, сколько с определенным духовно-нравственным строем человека, который можно было приобрести, постичь путем проникновения в культурно-историческое наследие данного народа.

Конкретной государственной деятельности Екатерины в журнале отведено не так много места. Издатель отмечал лишь, что она явилась преемницей дел Петра Великого, и таким образом продолжила складывавшуюся веками традицию управления Россией. Как и все российские государи, Екатерина Великая занималась деятельным благотворением. Она «Мать-благотворительница» народа, покровительница вдов, сирот и вообще всех страждущих¹⁰. Вслед за своим наставником Екатерина продолжила дело становления образования в своей стране; причем ее заслуга в том, что она способствовала распростране-

¹ Правила русского воспитания, или нравственное рассмотрение духовной князя Владимира Мономаха // Русский вестник. 1815. № 2. С. 3–45.

² Там же. С. 35–40.

³ Там же. 1808. № 4. С. 7.

⁴ См. статью: Взор на Москву // Там же. № 1. С. 23–35.

⁵ Там же. 1815. № 2. С. 59–60.

⁶ Там же. 1811. № 11. С. 74.

⁷ Там же. С. 83.

⁸ Там же. 1808. № 4. С. 42.

⁹ Там же. 1811. № 9. С. 85.

¹⁰ Там же. 1808. № 4. С. 8–10.

нию просвещения не только в высших слоях общества, но и среди простого народа, чему послужили основанные ею народные училища¹. Для этих училищ она собственноручно написала азбуку, согласную с уставами православной веры. Глинка акцентирует тот факт, что за основу этой азбуки была взята книга, написанная государыней для воспитания своих внуков. По мысли автора, таким образом Екатерина пыталась возродить существовавшее некогда на Руси единство в воспитании всех социальных слоев.

Прозорливая императрица осознала, чем грозит социальная пропасть, разделившая русское общество в результате вторжения иностранного воспитания, «роскоши» и «мод»; она увидела, что все эти «наносные предубеждения» разрушают основы семейной жизни, а таким образом и государства². Потому Екатерина всеми силами способствовала восстановлению в России «отечественного воспитания», пыталась «сблизить русских с русскими», возбудить в них чувство любви к Отечеству³.

Наконец, главное направление деятельности Екатерины – законодательное. Здесь для Глинки первичен тот факт, что все законы «Монархиня-Законодательница» старалась соотнести со специфическими особенностями национального характера своих подданных⁴. Конкретные результаты работы императрицы на этом поприще Глинка не затрагивает.

Безусловно, Глинка не мог не коснуться проблемы увлечения Екатерины идеологией Просвещения и ее переписки с некоторыми просветителями, прежде всего с Вольтером. Издатель не умалчивал о том, что Екатерина «мечтала о невозможном», но лишь до тех пор, утверждал он, пока опыт не убедил ее в неосуществимости этих мечтаний. Сама жизнь убедила ее в ограниченности человеческого разума. Глинка доказывает это высказыванием императрицы, которое он часто цитирует: «Не моему перу переменить, что нинаест в естестве»⁵; убеждение, прямо противоположное просветительскому рационализму. Даже «Наказ» императрицы Глинка трактует как документ сугубо антипросветительский, подкрепляя это тем, что документ был приговорен к сожжению во Франции, то есть на родине просветительской идеологии⁶.

Вопрос об отношении Екатерины к Французской революции Глинка на страницах «Русского вестника» обходил стороной, видимо, в силу довольно пассивной реакции Екатерины II на это событие.

Таким образом, созданный С.Н. Глинкой образ Екатерины Великой, как и аналогичный образ Петра I, вполне соответствует его системе ценностей. Екатерина – «истинная Мать народа», которая «отреклась от самой себя для блага россиян». Она – последовательница Петра I и истинно русских традиций управления. Это утверждение позволяло Глинке отрицать факт ломки политической системы допетровской Руси.

Именно рассматривая екатерининское царствование, Глинка открыто затронул проблему крепостного права в России. В статье «Напоминание о Екатерине II»⁷, упомянув о том, что императрица поднимала вопрос, «полезнее ли в России быть крестьянам вольными или крепостными?»⁸, Глинка задается вопросом: «Может быть некоторые спросят: почему же Екатерина не дала свободы

¹ Русский вестник. 1808. № 4. С. 30.

² Там же. 1810. № 8. С. 143.

³ Там же. 1808. № 4. С. 38.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Там же. 1815. № 2. С. 50.

⁶ Там же. 1808. № 4. С. 15–16.

⁷ Там же. С. 3–45.

⁸ Там же. С. 36.

крестьянам?» И дает следующий комментарий: «Разрешение сего вопроса не относится к рассуждениям частного человека»¹. В этой же статье Глинка цитировал рассуждение Ж.-Ж. Руссо о том, что правовому освобождению крестьян должно предшествовать «расторжение душевных оков, обременяющих тела»². Таким образом, не правы те дореволюционные и советские исследователи, которые изображали С.Н. Глинку откровенным крепостником и его «Русский вестник» как «орган крепостнического консерватизма», подразумевая, что журнал выступал в защиту эксплуатации крестьян со стороны помещиков³. О том, что Глинка отрицательно относился к институту крепостного права, свидетельствуют и факты его собственной биографии. Так, получив от родителей наследство в размере тридцати душ, он отдал его сестре⁴, а в 1808 г. дал вольную своему последнему человеку⁵ и больше никогда не был душевладельцем. Один богатый друг С.Н. Глинки хотел подарить ему шестьдесят крепостных, но тот отказался со словами: «Не возьму, я никогда не буду иметь человека как собственность»⁶. Однако политико-правовое разрешение вопроса о крепостном праве издатель журнала относил к компетенции верховной власти, причем считал необходимым длительный период соответствующей подготовки и просвещения крестьян. До этого момента требовался поиск альтернативных путей устранения имеющихся антагонизмов. После вышеупомянутой статьи в открытой форме Глинка не касался проблемы крепостничества в «Русском вестнике», но, судя по тому, как часто на страницах журнала встречаются идеализированные образы «истинного русского помещика» и «истинного русского крестьянина», раздумывал над этой проблемой на протяжении всего периода издания «Русского вестника». Предложенная издателем модель взаимоотношения помещиков и крестьян должна была, по его мнению, снять наиболее острые проблемы крепостничества.

Глинка начинал с утверждения о том, что отношения между помещиками и крестьянами вписывались в традиционную для России патриархальную модель общественного устройства. В частности, «истинные русские помещики», утверждал он, «были всегда помещиками человеколюбивыми. Они знали и старались напечатлеть в сердцах детей своих, что *крестьяне суть такие же люди, как и они*»⁷, что подтверждалось многочисленными примерами из русской истории. Так, боярин времен царя Алексея Михайловича Федор Ртищев, «во всю свою жизнь облегчая жребий крестьян», был их «другом, отцом и братом» и завещал своим детям и родственникам: «воспомяните о мне любовью и милосердием к поселянам: являйте им отеческий покров; не отягчайте их работою и оброками: они братья ваши»⁸. Русские православные, крестьяне в свою очередь, всегда и во всем повиновались «Богу, Государю, помещикам, отцам и матерям», потому что «Бог велит повиноваться старшим»⁹.

«Звание» «отца-помещика» – одна из составляющих «должности» русского дворянина, которая также включает военную, государственную службу и

¹ Русский вестник. 1808. № 4. С. 42–43.

² Там же. С. 37.

³ Например: Мельгунов С. Глинка С.Н. // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Т. 15. Гирке – Город. С. 143; Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 232; История русской журналистики XVIII–XIX вв. / Под ред. проф. А.В. Западова. М., 1973. С. 114.

⁴ Глинка С.Н. Записки. С. 222.

⁵ Там же. С. 287.

⁶ Там же. С. 211.

⁷ Русский вестник. 1809. № 2. С. 208.

⁸ Там же. 1808. № 4. С. 34–35.

⁹ Там же. 1812. № 10. С. 58.

примерное выполнение обязанностей отца, сына, брата и мужа в рамках своей семьи¹. Причем по своему статусу «попечение о крестьянах есть такая же служба, как и служение на ратном поприще. Отечество вверяет крестьян в человеколюбивый и отеческий присмотр; он отвечает за них совести, Богу и Отечеству»². На помещике лежит ответственность за нравственность, здоровье и благосостояние своих крестьян.

«Нравственная власть» помещика подразумевает «сближение поселян с Богом и благонаравием»³. В качестве показательного Глинка приводит пример помещика, который приступал к началу всех сельскохозяйственных работ совместным с крестьянами богослужением «Подателю и Виновнику всех благ земных»⁴. Одна из статей журнала рассказывала о помещике, который построил для своих крестьян баню и больницу, причем, когда крестьяне отказались делать своим детям противооспенные прививки, считая их слишком опасными, сделал такую прививку своему двухлетнему сыну и таким образом доказал ее эффективность⁵. Экономический достаток крестьян обеспечивается «умеренностью» помещика, который должен вести максимально простой образ жизни: «городским затеям», балам, дорогим экипажам, одежде по последней моде предпочитать семейный образ жизни в отцовском поместье, наследственное имущество, скромную одежду, «почти такую же» как у крестьян⁶. Помещик должен планировать график выполнения сельскохозяйственных работ, контролировать процесс их выполнения и все связанные с ним вопросы, заниматься повышением эффективности производства, например, удобрением полей⁷.

Глинка стремился доказать, что подобное отношение непременно вызовет благодарность и признательность крестьян, так как «сии люди умеют живо чувствовать силу любви и благодетельности»⁸. В одной из статей, рассказывающей об образцовом помещике, приводится такой отзыв о нем его крестьян: «Он родной нам отец! За ним и за Богом живем как в Раю»⁹, а также описываются их переживания за своего хозяина, раненного в сражении: «Вдруг разнеслась молва, что уж его нет на свете! Пристигла нас лютая печаль и тоска. Помнили мы все ласку и милости его, когда он к нам приезжал. С горькими слезами пошли всем миром в церковь Божию, отслужили панихиду, и все от чистаго сердца говорили к Господу Богу: *почто мы за него не умерли!*»¹⁰. Чтобы понять роль этого положения в концепции С.Н. Глинки, важно учесть литературный и бытовой контекст эпохи. Долгое время вопрос о внутреннем мире, переживаниях и чувствах простого, по терминологии первой половины XVIII в. «подлородного» человека в России не рассматривался вообще. Его начали обсуждать лишь к концу XVIII столетия, а этапом для русской литературы стало открытие, сделанное Н.М. Карамзиным в повести «Бедная Лиза», что «и крестьянки любить умеют»¹¹. Таким образом, в общественном сознании россиян проявился куль-

¹ Русский вестник. 1808. № 4. С. 24–25.

² Там же. 1810. № 1. С. 121–122.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 123–124.

⁵ Там же. 1811. № 8. С. 80–84.

⁶ Там же. С. 85–86.

⁷ Там же. 1810. № 1. С. 122.

⁸ Там же. 1809. № 2. С. 208.

⁹ Там же. 1811. № 8. С. 80.

¹⁰ Там же. С. 78–79.

¹¹ Казаков Р.Б. Крестьянство и власть в сочинениях Н.М. Карамзина: проблемы источниковедения // Народ и власть: исторические источники и методы исследования: М., 2004. С. 96.

тивировавшийся просветительской литературой пафос следования нравственным законам в отношении к человеку независимо от его сословной принадлежности. Подобный подход открывал возможность новой, надсословной оценки достоинства человека: достоин тот, кто выполняет заложенные в его статусе обязательства перед обществом. Так, Глинка настаивал, что «название благородного человека... часто неправильно употребляется... Простой воин, земледелец, усердно и терпеливо переносящие обязанности свои, суть достойные и благородные сыны Отечества»¹. Наделяя крестьян, наряду с другими сословиями, долгом не только перед их непосредственными хозяевами, но и перед Отечеством, Глинка подчеркивал их гражданский статус и встраивал в общую социально-политическую структуру. Он акцентировал проявление гражданской позиции крестьян их мужеством и рвением участвовать в обороне Отечества, что, в отличие от дворянства, вообще не подразумевалось их «должностью». Глинка утверждал, что «воинский дух и неустранимость суть природные... свойства»² крестьян. Особенно часто Глинка описывал рвение, с которым крестьяне поставляли ратников в земские войска. Так, один из крестьян, имея возможность не отдавать на службу своего уже женатого сына, не воспользовался ею, сказав: «И барин; пусть он служит Богу и Государю! У меня остался другой сын; а коли надо, ей Богу, барин! за Веру, за Государя, хоть я и стар, а теперь же пойду с последним сыном»³. Однако самое яркое воплощение гражданственности русского крестьянина Глинка находил в историческом прошлом России: в подвиге Ивана Сусанина, ценой собственной жизни в конце Смуты спасшего от гибели царя Михаила Федоровича⁴. Причем М. Велижев и М. Лавринович в своем исследовании утверждают, что именно С.Н. Глинка в своем «Русском вестнике» сформулировал сусанинский миф в том виде, в котором он вошел в отечественную историографию⁵.

Подобный образ крестьянина, с точки зрения Глинки, должен был мотивировать помещиков на образцовое поведение. Заметим, что помещик является активной стороной в этих отношениях, что соответствует консервативному принципу общественной иерархии. Поэтому образ идеального помещика в трактовке Глинки связан с многочисленными обязанностями, для образа крестьянина важнее прорисовка положительных, «облагораживающих» его черт. Следование предложенным моделям поведения, по мнению Глинки, должно было восстановить утраченную гармонию взаимоотношений помещиков и крестьян. Эту систему отношений Глинка считал одинаково выгодной для обеих сторон. Во-первых, с моральной точки зрения: зависимость крестьян оказывалась «сладостнее всякой мечтательной свободы», так как отеческая опека помещиков снимала с них лишнюю ответственность, даже за сохранность собственной добродетели⁶; в то время как наградой владельцев становится «любовь и приверженность подчиненных»⁷. Во-вторых, с экономической: «умеренность, человеколюбие и пример помещиков, побуждающий крестьян к трудолюбию и благодарности, вернее всякого нововводимого земледелия послужит к взаимному и

¹ Русский вестник. 1808. № 6. С. 315.

² Там же. № 8. С. 219.

³ Там же. № 3. С. 352–353; см. схожие сюжеты в статьях: Наследственное мужество русских // Там же. С. 221–223; Русской крестьянин, гражданской анекдот // Там же. С. 315–319.

⁴ Крестьянин Иван Сусанин, победитель лести и Избавитель Царя Михаила Федоровича Романова // Там же. 1812. № 5. С. 72–94.

⁵ Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф»: становление канона // Новое литературное обозрение. № 63.

⁶ Русский вестник. 1809. № 4. С. 22.

⁷ Там же. № 2. С. 207.

истинному благоденствию помещиков и крестьян»¹. В-третьих, с политической, так как являлась одним из факторов сохранения жесткой социальной иерархии и стабильности государственной системы в целом.

Важным элементом социальных отношений «Русский вестник» считал «благотворение», которое «сближает и соединяет души. Сие равенство, не нарушая порядка, доставляет способ одним благотворить, а другим – любить благодетеля своего»², и таким образом препятствует возникновению социальной напряженности и скрепляет общество на высшем духовно-нравственном уровне. Глинка агитировал читателей на активную благотворительную деятельность: «Мы можем встречать счастье почти на каждом шаге и каждую минуту: оно близ нас, оно всегда с нами. Пресытились ли вы отравками роскоши и сладострастия? Из великолепных палат своих ступайте под кров нищеты и злополучия; осушите слезы страждущих; отвлеките от пропасти погибающее семейство: благодарные его восторги возбудят сердце ваше к удовольствию и наслаждению. Поражены ли вы сами бедственным роком; лишились ли супруги, детей или друга? Делите скорбь вдовицы и сирот: утешая их, вы сами утешитесь. Благотворение исцеляет от отрав роскоши и облегчает болезни душевные»³. «Русский вестник» сам являл наглядный пример деятельного благотворения. В конце каждого номера помещалась информация о нуждающихся людях или семьях, и рассказы о помощи читателей журнала в ответ на такие объявления. Если верить «Запискам» С.Н. Глинки, то благодаря многочисленным откликам читателей в период с 1808 по 1816 г. через издание оказавшимся в затруднительном положении людям было направлено более 40 тысяч рублей⁴.

Таким образом, консервативно-националистическая программа «Русского вестника» представляла собой конструктивную альтернативу революционному преобразованию действительности. Очевидно, что она была ориентирована прежде всего на дворянское сословие. По убеждению издателя, ее реализация могла снять все социальные противоречия при сохранении существующего в стране политического устройства. С другой стороны, она должна была способствовать единению общества в преддверии военной угрозы.

Из Главы III. Деятельность С.Н. Глинки в период Отечественной войны 1812 года

§ 3. Отечественная война 1812 года в воспоминаниях С.Н. Глинки

События 1812 года оставили неизгладимый след в душе С.Н. Глинки. Для него, как и для многих его современников, Отечественная война – это целая эпоха и центральное событие жизни. В своих мемуарах Глинка писал: «Для меня продолжается еще 1812 год. Спасение Отчества успокоило мое сердце, но я отжил для радостей земных»⁵. Зная Глинку с 1812 г. С.Т. Аксаков, так вспоминал о встрече с ним в конце 1815 г.: «При первом взгляде мне кинулось в глаза какое-то особенное выражение в лице Сергея Николаевича Глинки, которого я прежде не замечал: как бы след прожитого необычайного

¹ Русский вестник. 1809. № 4. С. 22–23.

² Там же. № 2. С. 208.

³ Там же. № 8. С. 231–232.

⁴ Глинка С.Н. Записки. С. 363.

⁵ Глинка С.Н. Записки о 1812 году... С. 259.

времени; это выражение сохранилось навсегда»¹. Осмысление войны началось еще на страницах «Русского вестника»², так или иначе он обращался к этой теме в различных произведениях на протяжении всей жизни. Но среди его работ есть две книги, которые наиболее полно и отчетливо раскрывают восприятие Глинкой 1812 года в контексте российской и всеобщей истории. Это «Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения», изданные в 1836 г., и появившиеся годом позже «Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года». В них со свойственной стилю Глинки эмоциональностью, с большим чувством изложены все подробности военного времени: детально описаны сражения и движения войск, изображены подвиги русских воинов и полководцев (причем эти изображения зачастую полностью повторяют аналогичные в «Русском вестнике» за 1813–1816 гг.), показаны людские судьбы в это непростое время, страдания обеих воюющих сторон. Не случайно «Записки о 1812 году» явились одним из основных источников для написания знаменитого романа Л.Н. Толстого «Война и мир»³. Для нас самое интересное в этих книгах то, что интерпретация войны встраивается в консервативно-националистическую концепцию С.Н. Глинки и является ее кульминацией.

Глинка рассматривает катастрофу, постигшую человечество в 1812 г., с точки зрения провиденциализма. Эта война, страшная, вовлекшая в свой круговорот десятки народов, с точки зрения автора, не что иное, как урок Провидения всем странам, где нет «задушевного быта человеческого», основанного на христианской морали⁴. Согласно Глинке, это естественное следствие распространения атеистической идеологии Просвещения, пропагандировавшей всесилие человеческого разума. Результатом этого учения стала «безбожная» Французская революция. Олицетворением революции и того идеологического ряда, который стоял за ней, явилась фигура Наполеона Бонапарта, поэтому Глинка уделяет ему пристальное внимание. Стремление Наполеона к всемирному господству он трактует как проявление эгоистической этики просветительской философии: это человек, ослепленный личными «страстями» и мечтами⁵. Глинка выделяет в Наполеоне две ипостаси: с одной стороны, это великий полководец; с другой – «человек суда Божия»⁶. Характерна эволюция личности Наполеона, предложенная Глинкой. Юный Бонапарт был добродетелен и чужд светского общества⁷. Но его многочисленные военные победы, сдобренные лестью ближайшего окружения, убедили его в собственном всесии, в результате чего он сперва принял титул императора, а затем загорелся идеей всемирного обладания⁸. В этом заключается трагедия Наполеона как личности: Глинка признает, что он был гениален, но его гений заключался в таланте законодателя, не случайно созданное им Уложение было принято и Людовиком XVIII⁹. Но самоуверенность, стремление к неограниченной власти и лесть сподвиж-

¹ Аксаков С.Т. Указ. соч. С. 22.

² См. роспись номеров «Русского вестника» за 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. в книге: Колюпанов Н. Биография А.И. Кошелева. М., 1889. Т. I. Кн. 2. С. 391–401.

³ [Евдокимов И.В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 5 об. – 6; Кулешов В.И. История русской литературы. М., 2005. С. 552.

⁴ Глинка С.Н. Записки о 1812 году... С. 91.

⁵ Там же. С. 240.

⁶ Глинка С.Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях... С. 197.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Там же. С. 206–218.

⁹ Там же. С. 251.

ников, которая возвела его «на одну чреду с волею Всетворящего»¹, сбили его с предназначенного ему пути². Вот почему он стал орудием «суда Божия»³: сокрушительное ниспровержение его планов должно было стать лучшим «уроком смирения силы человеческой»⁴, способным вернуть людей к мысли о всесии Божественного промысла. Глинка утверждает, что Бог лишил Наполеона разума в наказание за недовольство тем многим, что он уже имел. Навязчивая идея императора покорить Россию и взять Москву, с точки зрения Глинки, являлась проявлением «суда Божия» над Наполеоном и той рационалистической и материалистической идеологией, которую он олицетворял⁵.

1812 год – это урок и для России, внутри которой возникло как бы второе государство «с иными нравами, обычаями, мнениями и действием мыслей»⁶, продиктованными Западной Европой и просветительской идеологией. Сама дата для Глинки глубоко символична: в истории страны это «второй двенадцатый год». В этом также видна «тактика Провидения», которое напоминает России о «первом двенадцатом годе» – 1612-м⁷.

Аналогия этих двух эпох для автора абсолютно очевидна. В «наш двенадцатый год», так же как и в «первый», перед Отечеством стоял один вопрос – «быть или не быть земле Русской на лице земли»⁸. В 1612 г. Россия спаслась только единением всего населения, основанном на религиозной общности и предполагающем верность Богу, Царю и Отечеству. Поэтому цель Провидения, с точки зрения Глинки, заключается в обращении всей России к национальной почве, в пробуждении «русского духа», для Глинки означавшего прежде всего гармоничное сосуществование всех сословий русского общества и их духовное единство⁹. Отсюда эсхатологическое толкование московского пожара. Автор убежден, что Москву сожгли и не русские, и не французы; Москва не была оставлена, она была «отдана на суд Божий»: «...тут огонь небесный. Горели палаты, где прежде кипели радости земные, стойвшие и многих и горьких слез хижинам. Клубились реки огненные по улицам, где рыскало тщеславие человеческое на быстрых колесницах, также увлекавших за собою быт человечества. Горели наши неправды, наши моды, наши пышности, наши происки и подыски»¹⁰.

Победу России в войне, с точки зрения Глинки, обеспечило, во-первых, то, что нравственная правда была на ее стороне, так как Россия вела войну оборонительную, а не захватническую¹¹. Во-вторых, народный характер войны. Выше уже упоминалось о воспоминаниях С.Т. Аксакова, который говорил, что Глинка изначально надеялся на народную войну¹². С.Н. Дурылин утверждал, что записки Глинки о 1812 г. «посвящены одной теме: народной войне. Основная мысль Глинки в том, что ни усилия правительства, ни искусство полководцев, ни мастерство дипломатов, а единодушный и повсеместный народный отпор был причиной гибели Наполеона... Глинка любовно выискивает, тщательно отмечает в своих «Записках» все факты, в которых особенно ярко проявляется основ-

¹ Глинка С.Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях... С. 298.

² Там же. С. 253.

³ Глинка С.Н. Записки о 1812 годе... С. 131–135.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Там же. С. 133–134.

⁶ Там же. С. 24, 119–120.

⁷ Там же. С. 24–25.

⁸ Там же. С. 270.

⁹ Там же. С. 49–50, 101–108, 119–120, 232–233, 269–270, 275–276.

¹⁰ Там же. С. 78–79.

¹¹ Там же. С. 192–194.

¹² Аксаков С.Т. Указ. соч. С. 23.

ная особенность войны 1812 г., что ее вел и довел до победы народ»¹. Причем С.Н. Дурылин под народом подразумевал исключительно непривилегированные социальные слои. Однако для Глинки это понятие шире. Он действительно значительное место уделяет описанию подвигов выходцев из простонародья, прежде всего крестьян, подчеркивая тем самым, что без них победа могла не состояться². «Записки о Москве и о заграничных происшествиях» в качестве эпиграфов предваряют три цитаты: М.И. Кутузова: «Русские крестьяне истинные, почтенные сыны Отечества»; Екатерины II: «Народ русский отличается силою, догадкою, умом»; обращение Лесепса к Наполеону, относящееся ко времени пребывания французов в Москве: «Я сулил золота мужикам, а они наотрез мне сказали: «хоть головы сними с нас, мы не отыщем ни хлеба, ни мяса, ни овса, ни сена»³. Однако ничуть не меньшее внимание Глинка уделяет подвигам русского офицерства⁴, выдающихся полководцев М.Б. Барклая-де-Толли⁵, М.И. Кутузова⁶ и многих других. Для автора народная война – это война всех сословий русского общества, сплотившихся перед угрозой завоевания, и вклад каждого из них в победу над войсками Наполеона в равной степени важен. Не случайно Глинка акцентирует внимание на обращении его современников к временам и именам Минина и Пожарского, «мясного продавца» и князя, спасших Россию от гибели в начале XVII в.

Это обращение важно еще и потому, что как бы сближает два столетия, и 1612 г. проявляется в 1812 г.⁷ Глинка постоянно проводит параллель между этими событиями. Так, и в тот, и в другой двенадцатый год Смоленск стал первой жертвой неприятеля⁸. 23 августа «наши предки» сражались в стенах Москвы, а современники назначили место решающей битвы; таким образом, это «достопамятный день двух веков», когда над Россией «засветилась заря избавления»⁹. И в тот, и в другой «двенадцатый год» англичане первыми вызвались в союзники русским¹⁰. Посещение Москвы Александром I в июле 1812 г. Глинка сравнивал с избранием на царство Михаила Федоровича Романова¹¹. Таким образом, в 1812 г. ожил «самобытный дух русский». Все население сплотилось вокруг одной мысли – «Бог и Отечество»¹². Народ снова объединился в одну семью во главе с отцом-монархом¹³.

Правда, в отличие от 1612 г., война 1812 г. «должна была сочетаться с войною заграничною»¹⁴. Так как в России после отражения нашествия «продолжился прежний *обыкновенный* ее быт; а в Европе все было *необычайно*. Уверенный в России, Александр знал, что она отстоит себя и устоит; знал он также по прозорливой дальновидности и сберегал в себе силы свои, чтобы бороться в Европе с целым *политическим миром* Европейским, где каждое лицо вправе

¹ Дурылин С.Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 года. М., 1943. С. 18.

² Глинка С.Н. Записки о 1812 годе... С. 44–47, 76–77, 111–119, 285–290 и др.

³ Вступление к: Глинка С.Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях...

⁴ Глинка С.Н. Записки о 1812 годе... С. 57–63, 177–191, 223–226.

⁵ Там же. С. 36–40, 236–240, 296–319.

⁶ Там же. С. 34–36, 40–41, 65–67, 100–101, 177–189, 236–240, 251–252, 296–319.

⁷ Там же. С. 217–220, 275–276.

⁸ Там же. С. 101–108.

⁹ Там же. С. 49–50.

¹⁰ Там же. С. 232–233.

¹¹ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1. С. 291.

¹² Глинка С.Н. Записки о 1812 годе... С. 179, 268–269.

¹³ Глинка С.Н. Русское чтение: Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия. СПб., 1845. Вып. 3. С. 243.

¹⁴ Глинка С.Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях... С. 13–14.

было думать, что оно вполне изучило весь ход жизни мира своего. А тут и явилась эпоха, не существовавшая дотопе на лице земли... Но в Европе XIX столетия, известен был каждый ее шаг; все было исследовано, все было на чертежах географических, все было в тысячах книг; все, кроме того, что написано было в книге Провидения. И так Александру I одному, собственными усилиями ума своего надлежало убедить умы Европейские, что они не все еще видели, не все знали... Борьба была сильная и упорная... против всезнания самолюбивого; против тщеславия высокомерного и притязательного; и эта борьба была и сильнее и труднее борьбы с целым нашествием вооруженным»¹. Таким образом, если Наполеон выступал олицетворением западноевропейской атеистической, рационалистической и материалистической морали, то Александр I был выразителем иной духовности, основанной на покорности воле Всевышнего и вере в его всемогущество. И если первый был орудием «суда Божия», то второй был призван способствовать нравственному перерождению Европы: «Десница Провидения крепит Царя Северного: она сокрушит пред ним все преграды; она проявит очам его невидимое. И изумленная Европа увидит, что тот, кто не перелетал за вершины гор заоблачных, тот, кто не заносил оружия в пески знойные, кто не величался счастливою своею звездою, тот новый вождь внезапно укрепится опытом (курсив мой – Н.Л.) и преобразит в Европе Европу Наполеонову... На что Царю Северному содействие ума постороннего: его Бог ведет»².

Таким образом, события 1812 г. были восприняты С.Н. Глинкой как осуществление того идеала общественного устройства, к которому он призывал в «Русском вестнике». И на какое-то время эти события способствовали укреплению его консервативных взглядов. Так, в «Записках о 1812 годе» он писал, что война заставила его мечтать о том, что, во-первых, «сближение дворян с крестьянами к взаимной обороне Отечества сблизит их и на поприще жизни нравственной, и что, не посвящая их в философы, они, по крайней мере, уступят им череду людей». Во-вторых, «что владельцы тысяч душ, брося прихоти мод столичных и городских, заживут в поместьях своих, чтоб от различных управлений не гибли имущества и не страдали наши почтенные питатели рода человеческого и Отечества, то есть земледельцы». В-третьих, «что уничтожение всепожирающих мод и перемена безжизненного воспитания сроднят души всех сословий и вдохнут в них новое бытие»³. Однако сразу по окончании Отечественной войны Глинка с горечью констатировал возрождение всех тех общественных пороков, против которых он боролся на страницах «Русского вестника»⁴. Не случайно после изложения своих мечтаний военных лет он с грустью приписывает: «Утопия! Утопия! Мечта! Мечта!»⁵. Это разочарование породило известный пессимизм относительно реалистичности его прежних воззрений и способствовало эволюции его взглядов, начиная с 20-х гг. XIX столетия.

¹ Глинка С.Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях... С. 264–265.

² Там же. С. 92–93.

³ Глинка С.Н. Записки о 1812 годе... С. 91–92.

⁴ Глинка С.Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях... С. 116–123.

⁵ Глинка С.Н. Записки о 1812 годе... С. 92.

Из главы IV.

Эволюция идейно-политических взглядов

С.Н. Глинки (вторая половина 1810-х – 1840-е гг.)

Из § 4. Последние годы жизни. Эволюция идейно-политических взглядов С.Н. Глинки

В 40-х гг. XIX в. С.Н. Глинкой был написан ряд сочинений, скорее всего не предназначавшихся для печати, так как те же проблемы, которые он излагал в опубликованных сочинениях этих лет, здесь получали кардинально иное решение. Речь идет о книге «Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества», датированной 1844 г.¹, о статье «Взгляд на русскую народность в XVIII столетии», рукопись которой не датирована², и о рукописи двух глав, обозначенной в личном фонде С.Н. Глинки в отделе рукописей Российской национальной библиотеки как часть его новой версии истории России «Глава первая. О быте русских крестьян до Петра I и вопросы и ответы о полагаемом новом состоянии русских крестьян. Глава вторая. Временное прекращение Юрьева дня и торжественное возобновление царем Борисом Юрьева дня и вольности перехода крестьян», предположительно относящейся к 1844 г.³

Как было указано во второй главе нашего исследования, консервативно-националистическая концепция С.Н. Глинки носила полемический характер, и ее исходной точкой являлись антирационализм и связанная с ним критика рациональной в своей основе философии Просвещения, прежде всего французского, так как Глинка был убежден, что именно она спровоцировала Французскую революцию. В неопубликованных сочинениях он заявил обратное, признавшись, однако, что для него это «самый щекотливый вопрос»⁴. Глинка указал на то, что в истории Франции было множество печальных и кровавых страниц и до появления философов-просветителей, например, Варфоломеевская ночь в XVI в., гонения против протестантов в XVII в.⁵ Причем, упоминая об этих событиях, он был склонен оправдывать известный антиклерикализм Вольтера, вызывавший его бурную критику в период издания «Русского вестника»⁶. Кроме того, «крамольные» идеи, пропагандировавшиеся просветителями, зачастую являлись лишь развитием размышлений их предшественников – мыслителей более ранних эпох⁷. Это не значит, что теперь Глинка был склонен оправдывать деятельность просветителей. Однако он сделал вывод, что ее содержание явилось отражением неблагоприятной социально-экономической и культурно-нравственной ситуации, сложившейся во Франции к концу XVIII столетия и грозившей серьезными общественно-политическими потрясениями даже без интеллектуальных усилий со стороны философов⁸. В качестве

¹ [Глинка С.Н.] Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества. 1 января 1844 г. // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Ед. хр. 18. 212 л.

² Глинка Сергей Николаевич. Взгляд на русскую народность в XVIII столетии // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 671. Б/д. 24 л.

³ [Глинка С.Н.] История России. Отрывки: Глава 1. О быте русских крестьян до Петра I и ответы о полагаемом новом состоянии русских крестьян. Глава 2. Временное прекращение Юрьева дня и торжественное возобновление царем Борисом Юрьева дня и вольности перехода крестьян. ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Ед. хр. 12. 1844 (?). 32 л.

⁴ ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Ед. хр. 18. Л. 107.

⁵ Там же. Л. 112.

⁶ Там же. Л. 113–114.

⁷ Там же. Л. 121 об.

⁸ Там же. Л. 108 об. – 110 об.

причины деградации социально-экономической и духовной жизни Франции Глинка назвал отсутствие Конституции¹. Таким образом, если в консервативный период своей деятельности Глинка исходил из идеи господства над миром нравственных законов и возможности регулирования с их помощью политической сферы, то теперь он пришел к убеждению, что политическая система государства может хорошо функционировать только при условии ее регулирования политико-правовыми мерами.

С.Н. Глинка стал обосновывать мысль о необходимости конституционного устройства всех обществ и суть этого устройства толковал следующим образом: «Здравый смысл (курсив мой – Н.Л.) управляет обществами человеческими; а этот здравый смысл давно сказал: «человека не должно и не можно никогда позабывать. Чего же желает человек? Чтобы его личность, его собственность, его честь, его жизнь обеспечены были ясными, охранительными средствами: словом, чтобы и каждый член общества и все его сочлены боялись законов, и никого бы кроме них не боялись». А тут и вся Конституция»². Причем Глинка теперь настаивал на том, что «вера» не должна оказывать никакого влияния на «законоучреждение», так как это противоположные друг другу понятия: «Вера – порыв души от земли к небу, а законы гражданские приковывают к земле и каждое помышление, и каждое обязательство, и каждый шаг. И чем сильнее их действие, то есть: чем тверже скрепляют они союз взаимных польз, тем надежнее и безопаснее жизнь обществ человеческих»³. Конституция, с точки зрения Глинки, охраняет общества от двух страшных явлений – резкой социальной дифференциации, разделяющей всех жителей на угнетателей и угнетаемых, и деспотизма или абсолютизации власти государей, которые всегда ведут к падению обществ⁴. Последнее утверждение Глинка проиллюстрировал царствованием Людовика XIV, который, провозгласив, что государство – это он, царствовал фактически для удовлетворения своих честолюбивых замыслов, еще больше распалаяемых придворными льстецами, а не для благоустройства жизни своих подданных⁵. Именно с него во Франции начался кризис социально-экономической и духовной сфер, приведший в конце концов к революции⁶. Но и сам Людовик «во всем пережил себя при себе»⁷, он узнал «мечту своего Я» и «советовал внуку своему и наследнику не подражать ему в страсти к войне и расточительности»⁸. С точки зрения Глинки, завершение царствования Людовика XIV не было бы столь плачевным, поставь он закон выше своего «Я», так как «если глава постановительных областей не посягает сам на узаконенные права всех и каждого, тогда на него не падает никакая укоризна, тогда он вполне свободен, ибо воля его в воле законов, а не в порывах самоуправства, уловляемых хищничеством» и мечтанием, «что она все и что в ней все»⁹.

Отталкиваясь от новых убеждений, С.Н. Глинка пересмотрел свою трактовку российской истории. Прежде всего он ввел в арсенал рассматриваемых им явлений такое понятие, как «народность». С точки зрения Глинки, она находила свое преимущественное проявление в «родном языке каждого народа»¹⁰.

¹ ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Ед. хр. 18. Л. 6, 109, 129–156.

² Там же. Л. 24 об. В данном отрывке С.Н. Глинка цитирует статьи Наказа Екатерины II.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Там же. Л. 42–48.

⁵ Там же. Л. 32–37 об.

⁶ Там же. Л. 108 об.

⁷ Там же. Л. 35.

⁸ Там же. Л. 36 об. –37.

⁹ Там же. Л. 48 об.

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 671. Л. 7 об.

Глинка утверждал, что русское народное слово выражало две «особые мысли» – «внимание к летописям народным», которое можно трактовать как традиционализм, и склонность русского народа к законотворчеству¹. Он заявлял, что с момента появления первого писаного свода законов на Руси – «Русской правды», отечественная законотворческая деятельность не прерывалась. Он предполагал, «что и в смутное время Удельного княжения были какие-нибудь узаконения, но они утратились в переходе веков, но из последствий видим, что и Иоанн Грозный в Судебнике, составленном на общем совещании тогдашних сословий, с точностью означил все узаконения, относившиеся к быту Русских поселян и вообще Русского народа»². Здесь для Глинки принципиально важным был тот факт, что русское законодательство в равной степени учитывало права всего населения государства, и в частности крестьян, которые, по мнению автора, на протяжении многих веков российской истории были лично свободными. Подразумевая события IX в., Глинка утверждал, что уже «в колыбели народа русского сиял луч личной свободы»³. Это состояние население Руси сохраняло вплоть до царствования Ивана Грозного, о чем свидетельствовала 88-я статья его Судебника, в которой оговаривалось существование весеннего и осеннего Юрьева дня, то есть периода, в который крестьяне могли переходить к другому землевладельцу (неделю до весеннего и неделю после осеннего)⁴. Лишь при Борисе Годунове в 1592 г. Юрьев день был временно отменен, но в 1601 г. царь Борис, по мнению Глинки, не только возобновил оба Юрьевых дня, но и продлил их срок еще на две недели⁵.

Закрепощение крестьян Глинка связывал с государственной деятельностью Петра I. Именно этот государь «неосторожною и заторопленною рукой двинул народ русский на крепостной быт, дотоле не существовавший», так как при нем была проведена первая поголовная перепись, прикрепившая крестьян к той земле, на которой они находились на момент переписи⁶. Причем Глинка резко отрицательно оценивал это событие. Вообще, в своих неопубликованных сочинениях С.Н. Глинка стал трактовать деятельность Петра Великого совершенно иначе, нежели в «Русском вестнике». Теперь он утверждал, что «вырвав с корнем старинный быт земли Русской», Петр ничего не оставил «в основание жизни народа русского»⁷. Как об ошибке Глинка отзывался о Великом посольстве Петра в Европу, целью которого было «привести с собою сокровища для преобразования России»⁸. Ссылаясь на мнения европейских историков, Глинка заявлял, что Европа в этот период «час от часу более дряхлая в обветшалой жизни своей»⁹, а потому цель Петра была обречена изначально. Соответственно, негативную оценку получала социокультурная европеизация России: «Целое поколение в новой России переодевалось: превращалось из себя не в себя. Люди взрослые были младшими на шутовских ассамблеях, неуклюже передразнивавших обветшалый, больной Парижский свет. Все было маскарадом и быстрой перестановкой театральных декораций»¹⁰. Последнее утверждение можно ассоциировать с представлением Глинки об общем итоге царствования

¹ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 671. Л. 9.

² Там же. Л. 9–9 об.

³ ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Ед. хр. 12. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 4 об.

⁵ Там же. Л. 14 об., 20 об. – 21 об.

⁶ Там же. Ф. 191. Оп. 1512. Ед. хр. 18. Л. 53 ; Ед. хр. 12. Л. 31 об.

⁷ Там же. Ед. хр. 18. Л. 50.

⁸ Там же. Л. 50 об.

⁹ Там же. Л. 51.

¹⁰ Там же. Л. 55 об.

российского императора, создавшего лишь внешние формы новой жизни, но не обеспечившего ее соответствующим законодательным базисом: «Не утвердил Петр Первый внутренней жизни новой России ни на каком очевидном и прочном основании, и все исчезло с ним, кроме флота и войска. Исчез народ, окованный цепями крепостными: личность людей стала жертвою самоуправства»¹.

Однако обвинения Глинки в адрес Петра I были не столь резки, как разоблачение государственной деятельности Екатерины II, так как если первый «не готовился быть законодателем», то вторая «подавала надежду России, что упрочит будущую ее судьбу. Никогда ни один из владык земных не писал подобного ей Наказа... она при жизни своей бралась... доставить новой России новое постановление для внутренней ее жизни. Казалось, что сама судьба предоставляла ей дополнить то, чего не сделал Петр I»². Однако созывом Уложенной комиссии Екатерина лишь «обманула и себя, и народ. Мирно собирались депутаты, мирно и разошлись. Голоса некоторых из их членов, заменились пушечными выстрелами. Временщики одержали верх над пользою общенародною... Но и домогательства и своекорыстие тогдашних временщиков не были б помехою Екатерине в деле законодательства, если б она родилась законодательницей. Не надела она этого венца. Она была только очень умною писательницею о законах. Пришлось и ей, говоря просто: «идти на попятный двор». То есть: подобно Петру Первому не положила никаким постановлением никакого прочного основания, перестраивать внешнее здание России»³.

При Екатерине, утверждал Глинка в своей неопубликованной книге, положение русских крестьян ухудшилось, так как эта императрица «или потворством к барам, или неосторожною рукою проложила новые пути и к роскоши, и к мотовству, и ко всем злоупотреблениям, поражающим быт земледельческий»⁴. «При новом учреждении Губерний, – продолжал Глинка, – оставя быт сельский, избыточные дворяне ринулись в Губернские города. Закипели и там балы, карты, моды»⁵. А это, в свою очередь, привело к увеличению оброчных крестьян и «чужому управлению» ими, под которым Глинка понимал любое управление, осуществляемое не лично помещиком и которое оценивал как тягостное для земледельцев⁶.

Делая вывод о екатерининской эпохе, Глинка, как и в случае с Петром I, проводит сравнение ее деятельности с театральной постановкой: своим «творениям» Екатерина радовалась, как «радуется театральный писатель, когда при громких рукоплесканиях разыгрывают его произведение и когда в честь его раздается торжественный вызов... При ней все было ее и все было для нее»⁷.

С.Н. Глинка верно оценил рубеж XVIII–XIX столетий с точки зрения становления европейских национализмов. Ряд исследователей этой проблемы утверждает, что Французская революция и последовавшие за ней наполеоновские войны, охватившие всю Европу, явились и проявлением, и катализатором развития националистических тенденций в Европе⁸. В этой связи интересен следующий фрагмент неопубликованной книги Глинки: «При начале Французской революции время царей отжило... Пришла очередь народов... шли отыски-

¹ ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Ед. хр. 18. Л. 63 об.

² Там же. Л. 65 об.

³ Там же. Л. 71–71 об.

⁴ Там же. Л. 87 об.

⁵ Там же. Л. 90 об.

⁶ Там же. Л. 89 об.

⁷ Там же. Л. 91 об. – 92.

⁸ Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 234–236.

вать свои права, свою душу, свою свободу. Буква **Я** час от часу более исчезала в молниях военных; не жизнью, смертью народов утверждалось слово **Мы**; не **мы** так называемых самодержцев, но **мы** народное и природное слово **Мы**. Я говорю **мы**: ибо человек не создан ни для ярма рабства, ни для жизни одинокой. Первый его законодатель Бог дал ему волю и свободу избирать себе пути своего существования»¹. Единственным государством, последовавшим в конце XVIII столетия «духу времени», по мнению Глинки, была Польша: «Главные ее деятели, Костюшко и другие, хотели весть свое отечество на настоящую, прямую дорогу... перевесть его на поприще постановления, Конституции с наследственным, а не избирательным королем. Конституция польская 1792 г. 2 мая явное тому свидетельство»². Поэтому автор скептически относился к опасениям России относительно радикальности Польши и отрицательно оценивал участие екатерининского правительства в разделах этого государства³.

Историческая ошибка российских монархов, с точки зрения Глинки, заключалась в том, что они не изменили основ своей политики в соответствии с требованиями эпохи: «Павел... хотел царствовать полномочно, нераздельно»⁴, а его сын Александр, хотя и заявил, что будет царствовать по сердцу своей бабушки, но «все царствование Екатерины рушилось 1802 года учреждением министерства... безответственного», которое «учредило в России гидру олигархического правления: оно заслонило престол от народа новыми властелинами»⁵. Вообще, царствование Александра I Глинка подвергал особой критике. Так, он критически оценивал его внешнюю политику, считая, что русский император больше шел на поводу западноевропейских государств, прежде всего Англии, реализовывая их интересы в ущерб национальным интересам России⁶. С точки зрения Глинки, «после 1805 года, России так сказать надлежало в самой себе затаить себя от Европы: выслать... всех чужестранных послов; разорвать все связи торговые; укрепиться в пределах своих собственными своими силами и не мешаться ни в какие дела Европейские»⁷. Так же критически он оценивал заграничные походы русской армии после Отечественной войны 1812 г.⁸ По мнению Глинки, с изгнанием из России Наполеона, в год двухсотлетия дома Романовых, Александру предоставлялся лучший шанс даровать России «заветное законоучреждение для всех и каждого»⁹, но он не воспользовался этим шансом, и «вместо новой жизни в стенах Москвы закипел новый разврат; новое заторопление мелких страстей»¹⁰.

Еще большим преступлением Александра I, по мнению Глинки, было пообещать России даровать ей Конституцию, – автор имел в виду знаменитое выступление императора перед варшавским сеймом в 1818 г., – и не сдержать своего обещания¹¹. Результатом именно этой ошибки стало восстание 14 декабря 1825 г., которое, в отличие от Французской революции, вспыхнувшей от того, что «снизу... раздался голос, требовавший преобразования Франции», вспыхнуло от того, «что первое в ней (России – *Н.Л.*) лицо; что сам импера-

¹ ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Ед. хр. 18. Л. 166, 174 об.

² Там же. Л. 160.

³ Там же. Л. 160 об. – 161.

⁴ Там же. Л. 166 об.

⁵ Там же. Л. 182.

⁶ Там же. Л. 203 об.

⁷ Там же. Л. 194 об.

⁸ Там же. Л. 206 об.

⁹ Там же. Л. 206–207 об.

¹⁰ Там же. Л. 207 об.

¹¹ Там же. Л. 208 об.

тор Александр распустил молву о преобразовании России и потом Бог знает почему, домогался заглушить ее неуместным самовластием. Закрыли двери залы масонской: но общество осталось. Закрыли масонские ложи, состоящие под надзором правительства. За то возникли тайные общества, мимо надзора правительства»¹. Критикой царствования Александра I заканчиваются неопубликованные сочинения С.Н. Глинки. Но, как было указано во втором параграфе данной главы, еще в конце 1820-х гг. С.Н. Глинка высказывал мысль о том, что принятие Конституции должно лечь на плечи Николая I.

Таким образом, в последние годы жизни С.Н. Глинки его взгляды заметным образом эволюционировали. Об этом свидетельствуют его неопубликованные сочинения, где им выдвигались либеральные по сути идеи естественных прав человека, рационализма, верховенства закона в общественно-политической жизни. В конце предшествующей главы нашего исследования уже говорилось, что эволюции взглядов С.Н. Глинки способствовало его разочарование в возможности реализации предложенной им консервативно-националистической концепции общественно-политического устройства, наступившее после окончания Отечественной войны. Анализ материалов данной главы позволяет предположить, что этому также способствовали обсуждение вопроса о российской Конституции Александром I, жесткое подавление выступления декабристов, а также кодификация российского законодательства М.М. Сперанского и мероприятия николаевского правительства в области крестьянского вопроса. Тем не менее систему воззрений Глинки данного периода стоит трактовать как консервативный либерализм, так как источником и гарантом прав должна была выступать личность монарха. В опубликованных сочинениях Глинка продолжал следовать своей патриархальной концепции общественного устройства, вероятно, в силу сознательной авторской установки и возможных цензурных запретов.

В эти годы С.Н. Глинка не переставал писать статьи в различные журналы. Так, на рубеже 20–30-х гг. XIX в. он сотрудничал в «Дамском журнале» П.И. Шаликова под псевдонимом Мечтатель, в 1837 г. – в «Сыне Отечества», в 1841-м – в «Репертуаре русского театра», в 1843–1844 гг. – в «Современнике», в «Журнале Министерства народного просвещения» и в «Маяке»². Особое значение он придавал сотрудничеству с возобновленным «Русским вестником». Инициатором возрождения журнала в 1841 г. стал Н.И. Греч, а его ближайшими помощниками в редакторской работе были Н.А. Полевой и Н.В. Кукольник. Журнал не был успешным, и в конце 1841 г. Н.А. Полевой взял руководство изданием в свои руки. В 1842 г. он выпустил лишь шесть книжек, а затем журнал вообще не выходил около года. В 1843 г. журнал перешел к П.П. Каменскому, который в конце 1843 г. издал оставшиеся шесть книжек за 1842 г. В 1844 г. вышли еще два номера журнала, после чего «Русский вестник» прекратился.

С.Н. Глинка с энтузиазмом воспринял весть о возобновлении журнала, который он небезосновательно считал «своим». Тем более что целью нового издания провозглашалось «содействие своему монарху в его боголюбивых подвигах водворения в России истинного просвещения, любви к правде и добру и наслаждения благородными и высокими науками и изящными искусствами». Глинка начал активно интересоваться возрождением журнала уже тогда, когда «Русский вестник» еще не был одобрен правительством. В феврале 1840 г. он справлялся у К.С. Сербиновича о судьбе журнала, причем из письма видно, что «переходы о “Вестнике” происходят около двух лет по министерству народного

¹ ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Ед. хр. 18. Л. 210–210 об.

² [Евдокимов И.В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 227–232.

просвещения»¹. Глинка сразу же начал писать для журнала и помещать в нем отрывки своих «Записок»². Но сотрудничество оказалось не очень удачным для Глинки в финансовом отношении: судя по переписке, Греч задерживал авторские гонорары, что сильно раздражало нуждавшегося Глинку. В письме от 13 октября 1842 г. он прямо требовал от сына издателя выплаты хотя бы части долга, в противном случае грозился подать жалобу в Главное Управление цензуры об уничтожении журнала³. По этому факту можно предположить, что само возобновление издания и его существование требовали юридического согласия его первого издателя. Об этом же могут свидетельствовать те усилия, которые Глинка предпринимал для спасения «Русского вестника» в 1844 г.: из переписки с А.В. Старчевским видно, что на протяжении июля-августа Глинка, к тому времени уже старый и больной человек, пытался организовать совещание о судьбе «Русского вестника», руководство которым, видимо, предполагал взять на себя А.В. Старчевский, Глинка же обещался распространить объявления о журнале⁴. Но все усилия оказались напрасны.

В последние годы жизни Глинка часто тяжело болел⁵ и ослеп. К.А. Полевой, видевший его незадолго перед смертью, зимой 1846–1847 г., был изумлен смирением и преданностью Провидению, с какими этот некогда огненный человек переживал свое ужасное несчастье. Чтобы хоть как-то двигаться, С.Н. Глинка велел протянуть через комнату веревочку и расхаживал, держась за нее, сколько ему было угодно. Дочь его, находившаяся всегда при нем, читала ему или писала под его диктовку. Из прежних знакомых, кроме Полевого, только П.А. Вяземский посетил слепого Глинку⁶.

С.Н. Глинка умер 5 апреля 1847 г. Похоронен он на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге.

Заключение

Сергей Николаевич Глинка – яркая и самобытная фигура общественной и культурной жизни России начала XIX в. Он был драматургом, поэтом, писателем (одним из самых плодовитых в свое время, как указывал П.А. Вяземский⁷), переводчиком, издателем, педагогом. По своим личным качествам это был привлекательный человек: современники в один голос отмечали его доброту, необыкновенное бескорыстие, искренность, честность, преданность, и т.д. Но особенно примечателен он был благодаря своей неизменной приверженности «русскому направлению».

Общественно-политические взгляды С.Н. Глинки позволяют отнести его к ключевым фигурам русского консерватизма первой четверти XIX столетия. При этом они обладали заметной специфичностью. Эта специфика являлась след-

¹ Письмо Глинки С.Н. Сербиновичу К.С. 18 февраля 1840 г. // Русская старина. 1895. № 2. С. 222; а также: Письмо Глинки С.Н. Гречу Н.И. 24 июля 1841 г. // Русский архив. 1869. С. 606.

² [Евдокимов И.В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 230–231.

³ Глинка С.Н. – Гречу А.Н. 13 октября 1842 // Вестник всемирной истории. 1900. № 6. С. 86–87.

⁴ Глинка С.Н. Письма (3) к Старчевскому А.В. 1844, июля 7 – августа 10 // РО ИРЛИ. Ф. 583. № 375. Л. 1–5.

⁵ См.: Письма Глинки С.Н. к Глинке Ф.Н. с приписками Глинки М.В. 13 марта 1831 г. – 16 января 1845 г. 12 писем // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 220. 20 л.

⁶ Полевой К.А. Указ. соч. С. 258.

⁷ Вяземский П.А. Глинка Сергей Николаевич // Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 435.

ствием влияния на Глинку полученного в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе эклектичного образования, основное место в котором занимали принципы идеологии Просвещения. Наиболее четко специфичность взглядов С.Н. Глинки прослеживается на фоне основных черт магистральной линии русского консерватизма. К ним относятся апология православия, идеал мощного централизованного государства с жесткой иерархической структурой, национализм, сформировавшийся в результате неприятия западной культурной традиции¹.

Пожалуй, в классическом виде в консервативном проекте С.Н. Глинки воспроизводится второй признак. По своим политическим убеждениям Глинка, без сомнения, был последовательным сторонником самодержавной монархии и жесткой общественной иерархии. Любой другой социальный порядок, с его точки зрения, был чреват опасностью анархии. Причем особую роль в этой системе он отводил монарху, который как бы задавал импульс развитию общества. Отсюда пристальное внимание автора к образу идеального государя, который *обязан* (здесь и далее курсив мой – Н.Л.) заботиться обо всех своих подданных и, таким образом, подавать им пример. Следовательно, социальная функция монарха самая сложная (в силу его наивысшего социального статуса). Фактически Глинка сформулировал один из стержневых принципов зрелого консерватизма – принцип иерархии как регулятора требований, предъявляемых каждому члену общества в зависимости от его социального статуса (чем выше положение человека, тем выше его ответственность).

Некоторая специфика характерна для православной составляющей консервативных взглядов С.Н. Глинки. Отводя значительное место религии как нравственному стабилизатору общественной жизни, он, в отличие от А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина, Ф.В. Ростопчина, А.С. Стурдзы, не делает особенного акцента на православном вероисповедании. Это отчетливо проявляется в терминологии Глинки: слово «православие» в его публицистике встречается крайне редко; подчеркивая важную роль религиозного фактора в общественной жизни, он употребляет более абстрактный термин «Вера». Не упоминал Глинка и роли церкви как института; его «Вера» не подразумевает строгой обрядности, а больше соответствует масонскому учению о внутренней церкви. Кажется символическим и тот факт, что роль нравственных наставников, служащих позитивным примером обществу, Глинка в рамках своей концепции отводил светским, а не духовным лицам. Он создавал пантеон *светских* святых, что также роднило его с А.С. Шишковым, Н.М. Карамзиным, Ф.В. Ростопчиным².

В том числе слабостью православного элемента можно объяснить отсутствие в сочинениях С.Н. Глинки критики масонства (наиболее отчетливо выраженной у Ф.В. Ростопчина и А.С. Шишкова), индифферентное отношение к экуменическому эксперименту Александра I, вызвавшему острое неприятие со стороны А.С. Шишкова, видевшего в нем угрозу православию. Для Глинки же важно распространение христианской морали как таковой, вне зависимости от проповедующей ее конфессии.

Своеобразные особенности присущи и национализму Глинки. В нем нет ярко выраженных устойчивых национальных антипатий, как в случае антисемитских, антипольских настроений Г.Р. Державина, А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина. Антизападническая, а точнее антифранцузская направленность национализма Глинки носила скорее ситуативный характер и была обусловлена конкретны-

¹ Аленин С.Г., Минаков А.Ю. Предисловие // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 6–7.

² Минаков А.Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX в. в России // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 14.

ми историческими событиями: войнами с Наполеоном и особенно заметной и ставшей казаться опасной на их фоне галломанией русского образованного общества. Но в последующие годы его жизни антифранцузский элемент в его взглядах постепенно тускнеет.

Тем не менее именно внешнеполитическая угроза стала основным фактором складывания националистической концепции С.Н. Глинки, как и других консерваторов этого периода. И то, что страна, от которой эта угроза исходила, была в глазах ранних русских консерваторов живым олицетворением политической бесперспективности реализации либеральных ценностей (это с их точки зрения доказал опыт Французской революции), предопределило консервативное содержание их собственных концепций общественно-политического устройства. Каждый из них пытался предложить свою основу национального существования России и освятить ее авторитетом исторического опыта. И если А.С. Шишков в этом качестве видел язык, а точнее «старый слог», Н.М. Карамзин – самодержавие¹, то С.Н. Глинка за субстанцию народности представлял особую «русскую нравственность», духовность, основанную на «христианской» морали и отраженную им в особом национальном характере, который отождествлялся с добродетелями предков допетровской Руси. Подобное видение русской нации было отражено Глинкой в публицистике «Русского вестника», и это был уже не только культурный национализм, за ним стояла определенная политическая программа. Приобщение к «русской нравственности» предполагало осознание самодержавия как лучшей для России формы политического бытия. Этот политический аспект националистической концепции С.Н. Глинки был наиболее ярко и последовательно выражен в его «Русской истории», в которой отечественное прошлое раскрывалось как процесс поступательного развития истинно русской политической системы – самодержавия. Таким образом, если следовать одной из разработанных в западноевропейской литературе схем деления истории националистических движений на определенные этапы², деятельность С.Н. Глинки можно отнести не к первому этапу, который характеризуется интересом националистов к сфере культуры, фольклора и литературы, а к следующей стадии развития националистической идеологии, когда появляется группа активных сторонников национальной идеи и первые признаки политической агитации в ее пользу.

Однако здесь также можно отметить воздействие просветительской идеологии на убеждения С.Н. Глинки. В первой главе настоящего исследования было отмечено, что на становление его антифранцузской националистической программы существенное влияние оказали взгляды Ж.-Ж. Руссо, отраженные им в книге «Соображения об образе правления в Польше». Просветительский субстрат присутствовал и в самом консервативно-националистическом проекте С.Н. Глинки. Так, выдвинутая им триединая формула «Бог. Вера. Отечество», являвшаяся квинтэссенцией «русской нравственности», по сути, представляла собой консервативное толкование знаменитого лозунга Французской революции «Свобода. Равенство. Братство», перенесенное из политической плоскости в плоскость нравственно-этическую. Потому что свобода для Глинки – это способность человека отречься от собственных «страстей» ради исполнения долга, предназначенного ему Божественной волей; равенство рассматривалось им как ответственность каждого человека за исполнение своего общественного долга перед общим отцом по Вере – Богом; а братство предполагало принадлежность населения страны к единой для всех религии «праотцов», что являлось важней-

¹ См. подробнее: *Минаков А.Ю.* Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX в. в России. С. 12–17.

² *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 23.

шим признаком государственного строительства. И само представление о том, что на политическую сферу можно влиять из сферы нравственной, также роднило Глинку с просветителями.

Сильный просветительский элемент во взглядах С.Н. Глинки во многом повлиял на эволюцию его идейно-политических взглядов. Так, С.Н. Глинка проявил себя довольно либеральным цензором во второй половине 1820-х гг., а в неопубликованных сочинениях, писавшихся на протяжении 1830–1840-х гг. отрицал консервативно-националистические взгляды периода издания «Русского вестника», ратуя за введение в России конституции. Но этому способствовали и многие другие факторы: осознание утопичности своей общественно-политической концепции; разочарование в непоследовательном политическом курсе Александра I; так, особое негодование Глинки вызвал тот факт, что император не сдержал обещание даровать России Конституцию. Последнее обстоятельство вполне могло предопределить оформление конституционных взглядов С.Н. Глинки, которые в дальнейшем могли быть укреплены кодификационной деятельностью николаевского правительства.

Все вышеозначенные особенности консервативных взглядов С.Н. Глинки не стоит преувеличивать, мы хотели подчеркнуть лишь степень их проявления на фоне воззрений других ранних консерваторов. Так или иначе, Глинка типологически близок и А.С. Шишкову, и Н.М. Карамзину, и Ф.В. Ростопчину, и наряду с ними обозначил тезис, согласно которому Россия является самобытным миром и должна развиваться по особому пути, независимому от Запада. Это положение впоследствии проявилось в различных направлениях русской общественной мысли. Оно ярко отразилось в официальной идеологии николаевского царствования, в концепциях славянофилов, во взглядах на государственное устройство К.П. Победоносцева¹.

Можно констатировать, что историческая концепция С.Н. Глинки стоит у истоков патриотической линии русской историографии. По его мнению, изучение истории должно было вызывать чувство национальной гордости и воспитывать любовь к родине. В частности, прослеживается довольно отчетливое влияние исторических взглядов Глинки на выдающегося русского историка М.П. Погодина. Последний в письме к издателю «Русского вестника» сам признавался в большом влиянии, оказанном журналом Глинки на становление его мировоззрения. Известно также, что издание «Русского вестника» было первым полным собранием юного Погодина, на которое он потратил свои первые деньги². Тема данной преемственности заслуживает дальнейшего, более пристального внимания.

Характер идеализации Глинкой русской старины и нравственного облика русских очень напоминает позднейшие взгляды славянофилов³. Утверждение Н.И. Цимбаева о том, что, «называя достоинства старой Руси, которые следует воскресить, Хомяков не столько идеализировал прошлое, сколько перечислял преобразования, необходимые николаевской России»⁴, вполне можно повторить в отношении публицистики С.Н. Глинки периода издания «Русского вестника» и восприятия им александровского царствования.

Таким образом, Сергей Николаевич Глинка явился одним из общественных деятелей, внесших значительный вклад в процесс становления консер-

¹ Минаков А.Ю. Глинка Сергей Николаевич // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 109.

² Можяева Г.В. Погодин М.П. // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 138.

³ См. подробнее: Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986.

⁴ Цимбаев Н.И. Либералы сороковых годов // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. Т. 4. Общественная мысль. С. 178.

вативной мысли и начало формирования националистической традиции. Его публицистическая, литературная и общественная деятельность стали важным фактором пробуждения национального самосознания (преимущественно накануне Отечественной войны и в первые послевоенные годы). Некоторая противоречивость и эклектичность его взглядов во многом отражают сложный характер процесса становления раннего русского консерватизма и неоднозначность этого феномена, проявившего себя в различных направлениях, нередко противостоявших друг другу.

Несмотря на важность определения идеологической направленности взглядов и деятельности Сергея Николаевича Глинки, в завершении книги хотелось бы сосредоточиться не на этом и привести цитату из его воспоминаний: «Любовь моя к отечеству не мечтой витала в душе моей. Смотрю на небо, и небо не обличит меня во лжи»¹. Думается, эта фраза лучше всего раскрывает характер деятельности С.Н. Глинки, который был прежде всего пламенным патриотом и все что делал – делал для блага Отечества так, как понимал это благо. Неслучайно, знавший и высоко ценивший Глинку Петр Андреевич Вяземский в одной из своих заметок назвал его «добродушным и добросовестным отечестволюбом»², тем самым метко определив и позицию Глинки в важнейших идейных спорах начала XIX в., и цель его главных проектов – «Русского вестника», «Русской истории», патриотической пропаганды в Москве в 1812 г.

¹ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 289.

² Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813–1877. М., 2003. С. 357.